

К 60-летию Санкт-Петербургского филиала Института истории науки и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук

Э. И. КОЛЧИНСКИЙ

«ПРИНЦИП ОСНОВАТЕЛЯ» И ИСТОРИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ – САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛИАЛА ИИЕТ РАН (1953–2013): ТРАДИЦИИ И ПОИСКИ, ЛЮДИ И СВЕРШЕНИЯ*

В статье рассмотрены предыстория и история Ленинградского отделения ИИЕТ АН СССР (с 1991 г. – Санкт-Петербургский филиал ИИЕТ РАН). Показано, что его основателями были несколько высококвалифицированных энтузиастов истории науки (А. И. Андреев, А. А. Елисеев, И. И. Канаев, А. В. Кольцов, А. В. Предтеченский, М. И. Радовский, Б. Е. Райков, Б. В. Федоренко, которые вместе с другими профессиональными историками, имевшими опыт работы в предшествовавших ЛО ИИЕТ историко-научных учреждениях (КИЗ, ИИНиТ, КИАН) и участвовавшими в крупных проектах ЛО ИИЕТ в течение многих лет (Г. П. Блок, М. А. Гуковский, Г. А. Князев, И. И. Любименко, Н. М. Раскин, С. Н. Чернов, И. И. Шафрановский и др.) воспитали поколение историков науки, составивших славу ЛО ИИЕТ и направлявших его жизнь и деятельность в течение почти полувека. Благодаря их подвижническому труду и вопреки всем идеологическим проработкам, политическому давлению и навязанным сверху реорганизациям ленинградской петербургской школе историков науки удавалось остаться неотъемлемой частью мировой науки, сохранить и приумножить традиции, заложенные предшествующими поколениями. Трудом сотрудников ЛО ИИЕТ в научный оборот введено огромное количество ранее неизвестных архивных материалов, возвращены многие забытые имена, раскрыта роль научного сообщества города на Неве в развитии мировой науки и культуры. Показано, что освобождение от жесткой регламентации тематики и методологии исследований после 1991 г. способствовало реформированию петербургского сообщества историков науки на принципах либерализма, что привело к увеличению эффективности научного труда за счет появления разнообразных источников финансирования, интенсификации международных связей и совместных проектов с учеными разных стран.

Ключевые слова: история, наука, институционализация, Академия наук, В. И. Вернадский, Н. И. Бухарин, Б. В. Федоренко, П. П. Перфильев, Б. Е. Райков, Ю. С. Мелешенко, А. В. Кольцов, К. М. Завадский.

На протяжении первой половины XX в. неоднократно предпринимались попытки создать в городе на Неве единую академическую историко-научную

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-03-00239а.

структуру. Много усилий в этом направлении предпринимали А. С. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Ольденбург, В. И. Вернадский, Н. И. Бухарин и С. И. Вавилов. Благодаря им были созданы Комиссия по истории знаний – КИЗ (1921–1932), Институт истории науки и техники – ИИНИТ (1932–1936), Комиссия по истории АН СССР – КИАН (1938–1953). Созданное в 1953 г. Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники АН СССР (ЛО ИИЕТ АН СССР) было связано с предшествовавшими ему академическими учреждениями тематически, функционально, кадрово и даже территориально.

Цель статьи – показать, как традиции отечественной истории науки развивались силами ведущих сотрудников ЛО ИИЕТ АН СССР (с 1991 г. – Санкт-Петербургский филиал ИИЕТ РАН) на протяжении его почти 60-летней истории. Особое внимание будет уделено проектам, позволявшим историкам науки включаться в обширные академические сети, а также динамике международных контактов, публикационной и миграционной активности ученых.

Традиции и предшественники

Уже к началу XX в. сложилась традиция рассматривать историю науки в контексте интересов самого ученого сословия, а также геополитических, экономических и идеологических интересов правящей элиты. Этому способствовало разнообразие форм и жанров историко-научных исследований, включавших обзоры и анализ источников; исторические очерки; публикации архивных материалов; биографии ученых; историю отдельных учреждений, научных предприятий и отраслей знаний; воспоминания; хронологию событий и т. д. При этом прошлые исследования часто оценивали с учетом их значения для современности, к ним апеллировали для установления истины и приоритета научных открытий. Особый интерес вызывала персонифицированная, или антропологическая, история науки, которая занималась также анализом эпох и открытий, оценкой вклада того или иного ученого в мировую науку.

К истории науки обращались для пропаганды крупномасштабных научных проектов и демонстрации значения для страны отдельных отраслей знания. Развитие науки, как правило, исследовалось в широком социально-государственном контексте, что было характерно для работ Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, К. Э. фон Бэра, П. П. Пекарского, А. А. Куника, Д. А. Толстого, М. И. Сухомлинова и др.¹ Их труды определили традиции петербургской школы историков науки, в рамках которой когнитивная история науки реконструировалась с учетом социально-политических и идеологических факторов на основе огромного массива архивного материала, интенсивно публиковавшегося в конце XIX – начале XX в.

История науки стала одной из форм диалога ученого сословия с обществом и властью и способом воздействия на них, а также инструментом саморефлексии и самоидентификации научного сообщества. Это определило главные

¹ Колчинский Э. И. История науки в городе на Неве // ВИЕТ. 2003. № 3. С. 3–45; *Kolchinsky, E. I. History of Science in Russia in 20 century: St. Petersburg as a Case Study // Almagest. 2011. Vol. 2. № 1. P. 7–10.*

функции историко-научных исследований: 1) когнитивные – постановка и лучшее понимание обсуждаемых проблем и формулирование способа доказательства истинности взглядов; 2) просветительно-дидактические – пропаганда и просвещение общества; 3) конъюнктурные – продвижение интересов ученого сословия; 4) идеолого-патриотические – доказательство важности науки как источника экономической и военной мощи государства, показателя его просвещенности, цивилизованности и превосходства над другими странами.

В годы социально-политических потрясений в начале XX в. с особым пафосом звучали слова об огромных заслугах российских ученых. По мнению неперменного секретаря РАН Ольденбурга, история науки должна дать «картину того крупного научного подвига, который внесен русскими учеными в мировую сокровищницу науки»². Через несколько лет основной акцент он делал на полезности историко-научных работ для рациональной организации исследовательской практики. В отчете о деятельности Академии наук за 1921 г. Ольденбург писал:

Нас поражает то отсутствие экономии научного труда, то отсутствие планомерности и организованности научной работы, какое мы встречаем во всех областях³.

Лучшим средством для борьбы с этой хаотичностью, говорил Ольденбург, было бы «знакомство с историей знания, с развитием научной мысли и ее проявлениями на протяжении веков»⁴. В то же время Вернадский подчеркивал значение истории науки для выявления истины,

для правильной оценки современного знания и техники и для создания столь необходимой, особенно у нас, преемственности научного творчества, осознанности значения и непрерывности научной работы в определенной, имеющей корни в научной мысли страны, области⁵.

Назначение в 1930 г. Бухарина руководителем КИЗ положило начало традиции обращения к истории науки лиц, попавших в политическую опалу. В свою очередь оно привлекло большее внимание общества к истории науки, на судьбе которой в Ленинграде не раз впоследствии сказывались внешние факторы, наглядно демонстрируя актуальность идей о социально-экономических и политических корнях научных теорий, озвученных Бухариным и Б. М. Гессеном на Втором международном конгрессе по истории науки в Лондоне в 1931 г.⁶, а также Бухариным на совместном заседании АН СССР, Комму-

² Отчет о деятельности Российской академии наук по отделениям физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1917 год, составленный неперменным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1918 г. Пг., 1919. С. 14.

³ Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925 гг. / Сост. В. А. Тряскина. М., 1986. С. 225.

⁴ Там же. С. 226.

⁵ Там же. С. 191.

⁶ Бухарин Н. И. Этюды. М.; Л., 1932. С. 37–59; Гессен Б. М. Социально-экономические корни механики Ньютона. М.; Л., 1933.

нистической академии и ВАСХНИЛ, посвященном 50-летию со дня смерти Ч. Дарвина ⁷. И хотя в дальнейшем было не принято ссылаться ни на Гессена, ни на Бухарина, их труды, как и работы других сотрудников ИИНИТа (И. А. Боричевского, Ю. Х. Шакселя, Я. М. Урановского), стали основой академического марксизма в истории науки и техники, сосуществовавшего в целом с методологией предыдущих отечественных историко-научных исследований, в которых всегда огромное внимание уделялось социально-культурному контексту развития науки и историко-антропологическим характеристикам ее создателей.

В 1930-е гг. фактически уже сформировалось тематическое пространство историко-научных исследований. В положении об ИИНИТе, утвержденном 28 февраля 1932 г. Общим собранием АН СССР, было записано, что его задача состоит в «изучении истории науки и техники всех стран с древнейших времен и до настоящего времени» ⁸. Но приоритет отдавали истории Академии наук, ее проектов и учреждений. Особое внимание уделяли экспедиционной деятельности, международным научным связям, наследию М. В. Ломоносова, Л. Эйлера, К. Ф. Вольфа, К. Э. фон Бэра, Д. И. Менделеева и других русских ученых. Важным элементом деятельности историко-научного сообщества стала подготовка мероприятий, посвященных юбилейным датам ученых и знаменательным событиям. Юбилеи отечественных ученых, организованные по решениям Политбюро ЦК ВКП(б) как национальные праздники, были призваны доказать приоритет отечественной науки над зарубежной ⁹.

За короткий срок ИИНИТ вошел в число ведущих учреждений аналогичного профиля во всем мире, а историко-научные исследования укоренились в академическом сообществе Ленинграда как междисциплинарная отрасль знания со своей тематикой, методами и проблемами ¹⁰. Перевод ИИНИТа в Москву, последующие аресты и расстрелы его сотрудников не смогли повернуть вспять процесс институционализации истории науки. Не желая мириться с потерей в Ленинграде учреждения по истории науки, академики Вернадский, Вавилов, И. Ю. Крачковский и другие стали добиваться воссоздания ее аналога. Организационная работа началась в 1937 г., когда в Москве формально еще существовал ИИНИТ. 17 марта 1938 г., через двенадцать дней после его официальной ликвидации, Президиум АН СССР решил возродить комиссию по истории науки и 15 ноября 1938 г. постановил создать при Архиве АН СССР КИАН, руководителем которой стал Вавилов, а ученым секретарем – А. А. Елисеев ¹¹, участвовавший в ИИНИТе в подготовке сборника «Техники, изобретатели крепостной России» (1936). Эту должность Елисеев занимал до

⁷ Бухарин Н. И. Учение Дарвина и марксизм-ленинизм. М., 1932. С. 34–62.

⁸ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 1. Оп. 1–1932. Д. 260.

⁹ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1922–1952 / Сост. В. Д. Есаков. М., 2000. С. 131, 132, 155, 156 и др.

¹⁰ Кирсанов В. С. Возвратиться к истокам? Заметки об Институте истории науки и техники АН СССР, 1932–1938 // ВИЕТ. 1994. № 3. С. 3–19; Дмитриев А. Н. Институт истории науки и техники в 1932–1936 гг. (ленинградский период) // ВИЕТ. 2002. № 1. С. 3–41; Кривонос Ю. И. Институт истории науки и техники: тридцатые – громовые, роковые... // ВИЕТ. 2002. № 1. С. 74–75.

¹¹ СПФ АРАН. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

июля 1941 г., когда добровольцем ушел на фронт, где участвовал в боевых действиях, был начальником разведки дивизиона. Согласно составленному Г. А. Князевым и И. И. Любименко плану, работа должна была концентрироваться на подготовке краткого исторического очерка Академии наук за все время ее существования и серии монографий по истории кафедр, комиссий, институтов и других академических учреждений¹²; ядро же будущего авторского коллектива следовало образовать из бывших сотрудников КИЗ и ИИНиТа. К июню 1941 г. был подготовлен первый вариант «Очерка истории Академии наук», но началась война, изменились политические установки, и его публикация затянулась на пять лет.

Вместе с тем Вернадский считал, что историко-научные исследования не должны ограничиваться историей Академии наук. В марте 1939 г. он писал академику И. П. Бардину: «История науки и техники есть история создания на нашей планете новой мощной человеческой силы – сейчас перерабатывающей биосферу»¹³. Позиция академического сообщества позволила сохранить кадры историков науки. В разных ленинградских учреждениях в конце 1930-х – начале 1940-х гг. продолжали работать по историко-научной тематике бывшие сотрудники ИИНиТа: Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959), Алексей Александрович Елисеев (1908–?), Инна Ивановна Любименко (1878–1959), Борис Николаевич Меншуткин (1874–1938), Моисей Израилевич Радовский (1903–1964), Наум Михайлович Раскин (1906–1986), Сергей Николаевич Чернов (1887–1942) и бывший ученый секретарь ИИНиТа Матвей Александрович Гуковский (1898–1971)¹⁴.

В годы Великой Отечественной войны история науки и техники оказалась мощным оружием патриотического воспитания и внешней политики. Ученые писали статьи и брошюры, выступали с лекциями в тылу и на фронте, рассказывая о великих достижениях отечественной науки и ученых союзных стран. В 1942–1943 гг. работала Комиссия Президиума АН СССР по ознаменованию трехсотлетия со дня рождения И. Ньютона во главе с Вавиловым и Радовским в качестве ученого секретаря. Они же возглавляли после смерти А. Н. Крылова Комиссию по истории физико-математических наук, созданную в Ленинграде в 1944 г. (рис. 1).

С 1946 г. действовала Главная редакция полного собрания сочинений (далее – ПСС) М. В. Ломоносова под председательством Вавилова, подготовившая и издавшая в 1950–1952 гг. три тома ПСС. Еще несколько томов находились в издательстве. Огромный объем по составлению, комментированию и редактированию этих томов выполнил Елисеев, демобилизованный в 1946 г. по вызову Вавилова и защитивший в том же году кандидатскую диссертацию по физике. К этой работе Вавилов подключил и историка астрономических приборов Валентина Лукича Ченакала (1914–1977), не имевшего в те годы высшего образования. В подготовке третьего тома участвовал также Андреев, крупнейший в то время в Ленинграде историк науки с дореволюционным

¹² СПФ АРАН. Ф. 702. Оп. 2. Д. 4. Л. 12.

¹³ *Вернадский В. И.* Из писем разных лет. Публ. и примеч. чл.-корр АН СССР С. Р. Микулинского // Вестник АН СССР. 1990. Т. 60. № 5. С. 109.

¹⁴ Далее с именами и отчествами даны фамилии только тех, кто работал в ЛО ИИЕТ.

Рис. 1. Комиссия по истории физико-математических наук: сидят С. И. Вавилов, А. Н. Крылов, В. И. Смирнов, стоят М. И. Радовский, Т. П. Кравец, 1945 г.

стажем, работавший еще в КИЗ. Проблемы истории отечественной науки рассматривались на специальной сессии Академии наук, состоявшейся в Ленинграде. В первый день ее работы 5 января 1949 г. в здании Кунсткамеры был открыт Музей М. В. Ломоносова. Первым его директором стал архитектор и историк науки Р. И. Каплан-Ингель (1884–1951), а его заместителем – Татьяна Владимировна Станюкович (1917–1992), сыгравшая ключевую роль в научно-методической разработке экспозиции и обеспечении значительной части тем. К созданию первой экспозиции музея были привлечены Татьяна Васильевна Победимова и Ченакал, а с 1950 г. здесь работала Нина Васильевна Соколова (1916–2005).

В 1951 г. скончался Вавилов, который фактически, а часто и формально, возглавлял все исследования в области истории науки, интегрируя разрозненные планы разного рода академических комиссий и редколлегий историко-научного профиля. Началась ревизия их работы, пересмотр состава, назначение новых председателей комиссий и ученых секретарей.

По постановлению Президиума АН СССР от 9 января 1952 г. (№ 17) «в помощь» Главной редакции ПСС была создана Комиссия по разработке

*Рис. 2. Алексей Александрович Елисеев
(1908–?)*

научного наследия и изданию ПСС М. В. Ломоносова¹⁵. Ее главой был назначен Б. Д. Греков, из-за болезни которого обязанности председателя вскоре стал исполнять Т. П. Кравец, а ученого секретаря – Ченакал. Штатными сотрудниками этой Комиссии были Андреев, Ирина Валерьяновна Засыпкина (1917–?), Галина Александровна Андреева (1922–?). Одновременно Ченакал исполнял обязанности директора Музея М. В. Ломоносова после внезапного увольнения его основателя Каплана-Ингеля.

Постановлением № 477 Президиума АН СССР от 1 августа 1952 г. была проведена реорганизация Комиссии по изучению научного наследия и изданию трудов Д. И. Менделеева, созданной еще до войны во главе с А. Е. Фаворским. Ее новым председателем был утвержден А. В. Топчиев, его заместителем – М. М. Дубинин, ученым секретарем – В. П. Барзаковский, штатными

сотрудниками Зинаида Яковлевна Рубашко (1906–?) и Ирина Николаевна Найденова (р. 1918–?).

14 ноября 1952 г. вышло постановление Президиума АН СССР «О крупных недостатках в работе Комиссии по истории Академии наук СССР и о мерах по их устранению»¹⁶. Елисеева (рис. 2), несправедливо обвинив его в нарушении финансовой дисциплины, уволили с должности ученого секретаря, которую он вновь занимал с 9 января 1946 г. по 30 сентября 1952 г. За неуплату партийных взносов на него наложили партийное взыскание, которое было снято уже в ЛО ИИЕТ в конце 1954 г.¹⁷ Был утвержден новый состав КИАИ под председательством вице-президента АН СССР В. П. Волгина, его заместителем был назначен Михаил Порфирьевич Вяткин, а ученым секретарем – юный Анатолий Васильевич Кольцов (1927–2000)¹⁸, который буквально накануне, 10 ноября 1952 г., защитил кандидатскую диссертацию. В качестве штатных младших научных сотрудников в КИАИ работали также направленный из Института истории естествознания (ИИЕ) АН СССР Борис Варфоломеевич Федоренко (1913–2007) и Валентина Николаевна Макеева (1918–2007).

¹⁵ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

¹⁶ Кольцов А. В. Как писалась «История Академии наук СССР» // ВИАИ. 1999. № 3. С. 148.

¹⁷ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.). Ф. 6722. Оп. 1. Д. 5. Л. 113.

¹⁸ Памяти А. В. Кольцова посвящен третий выпуск серии «Деятели русской науки» «Русская наука в биографических очерках» (СПб., 2003).

В тот же день Президиум АН СССР утвердил новый состав Комиссии по истории физико-математических наук: председатель В. И. Смирнов, заместитель К. Ф. Огородников, ученый секретарь Филипп Прокофьевич Отрадных (1900–1955). Младшие научные сотрудники – Радовский, получивший высшее образование в советское время и готовивший вместе с Д. В. Ефремовым в ИИНиТе сборник документов и материалов «Электродвигатель в его историческом развитии» (1936), выпускница Бестужевских курсов Мария Григорьевна Новлянская (1892–1985) и Людмила Васильевна Жигалова (1928–1997) вели работу по составлению библиографии и подготовке к изданию трудов выдающихся отечественных и зарубежных ученых. В Институте истории естествознания АН СССР по личному приглашению Вавилова старшим научным сотрудником с 1945 г. по совместительству, а с осени 1948 г. постоянно работал ленинградский историк биологии Борис Евгеньевич Райков (1880–1966)¹⁹, который добивался создания в Ленинграде еще одной академической историко-научной структуры. 13 января 1949 г. он писал Вавилону:

...было бы целесообразно учредить в Ленинграде небольшой филиал по истории биологических наук, связав его с каким-либо существующим здесь или в Москве учреждением²⁰.

Смерть Вавилова и увольнение Елисеева застопорили работу над ПСС Ломоносова, провозглашенного еще в 1936 г. «гениальным сыном великого русского народа», что придавало готовящемуся изданию в условиях борьбы с космополитизмом особую политическую значимость. О возникших трудностях было известно члену КИАИ и Комиссии по изучению научного наследия и изданию трудов Ломоносова, кандидату технических наук В. А. Голубцовой, жене Г. М. Маленкова, председателя Совета министров СССР. Будучи ректором Московского энергетического института, она не раз убеждалась лично, что комиссии не могут даже собраться. Так, дважды назначали заседания нового состава КИАИ, но приходили только три человека, включая Голубцову. Вероятно, не без ее участия вскоре после смерти И. В. Сталина было принято решение воссоздать в городе на Неве ЛО ИИЕТ как единую общеакадемическую структуру историко-научного профиля. По постановлению Президиума АН СССР от 5 сентября 1953 за № 543 в него вошли Музей М. В. Ломоносова, Комиссия по разработке научного наследия и изданию трудов М. В. Ломоносова, КИАИ, Комиссия по истории физико-математических наук и Комиссия по разработке научного наследия и изданию трудов Д. И. Менделеева²¹. Их бюджеты и штаты в составе 19 человек были переданы ЛО ИИЕТ. 13 октября 1953 г. состоялось первое собрание парторганизации ЛО ИИЕТ, на котором секретарем парторганизации был избран ученый секретарь КИАИ Кольцов²². А первым секретарем комсомольской организации была Наталья Георгиевна

¹⁹ Райков Б. Е. Моя педагогическая работа в Ленинграде в 1945–1950 гг. (рукопись). С. 13. Хранится в семье Райковых.

²⁰ СПФ АРАН. Ф. 893. Оп. 4. Д. 16. Л. 5.

²¹ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

²² ЦГАИПД СПб. Ф. 6622. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

Сухова, которую в 1955 г. сменила Ксения Викторовна Рязанская (Манойленко).

К концу 1953 г. в ЛО ИИЕТ числились 22 человека, из них 16 штатных научных сотрудников, включая трех докторов и девять кандидатов наук; первоначальный бюджет составлял 319 461 руб.²³ Новое учреждение было призвано реализовать два глобальных проекта: 1) подготовить три тома «Истории АН СССР» и 2) завершить подготовку 10-томного издания ПСС.

ЛО ИИЕТ, за исключением Музея М. В. Ломоносова, помещалось в одной из комнат главного здания АН СССР на Университетской наб., д. 5, где ранее размещался ИИНиТ, а ныне иностранный отдел Санкт-Петербургского научного центра РАН. Затем его перевели на второй этаж восточного крыла прилегающего к главному зданию П-образного флигеля в Таможенном переулке, д. 2, не приспособленного для научно-исследовательской работы. Филиал находится там и по сей день, хотя с 1954 г. не раз поднимался вопрос о предоставлении нового помещения.

Становление (1953–1967)

Для успешного старта нового коллектива много сделал Федоренко²⁴, исполнявший обязанности ученого секретаря ЛО ИИЕТ с 24 сентября по 3 декабря 1953 г., а до 28 июля 1956 г. временно исполнявшим обязанности заведующего ЛО ИИЕТ (рис. 3). Сын раскулаченного кубанского казака, Федоренко по базовому образованию был инженером-строителем, затем работал в нескольких проектных организациях, с июня 1941 по октябрь 1945 г. был в действующей армии. В ноябре 1951 г. он закончил аспирантуру Ленинградского политехнического института по специальности «история механики» и был направлен в ИИЕ АН СССР, где успел побывать в должности председателя месткома. 28 июня 1952 г. его направили в КИАИ, с которым он и попал в ЛО ИИЕТ. Помимо огромной организационной работы Федоренко участвовал в подготовке ПСС Ломоносова, первого тома по истории АН СССР, инициировал ряд других проектов.

Имевший за плечами фронтовой опыт Федоренко был строгим руководителем и быстро навел трудовую дисциплину, без разговоров увольняя всех ее нарушителей и тех, кто работал неэффективно. Вместе с тем он оставил после себя светлую память у молодых сотрудников ЛО ИИЕТ, всячески помогая им в трудном деле профессионального становления. При нем в декабре 1954 г. появились первые аспиранты ЛО ИИЕТ – ставшие потом знаменитыми историк математики Галина Павловна Матвиевская и историк астрономии Нина Ивановна Невская (1931–2006)²⁵. Важно отметить, что Федоренко удачно подобрал первого завхоза А. А. Меньшикова и бухгалтера К. А. Кукулина, который одновременно работал в Зоологическом институте. Их профессионализм

²³ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 6. Л. 1 об., 3.

²⁴ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 2. Д. 22. Л. 132–159.

²⁵ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 36. Л. 4.

и высокоразвитое чувство ответственности сыграли важную роль в налаживании работы нового коллектива.

Сложнее было с исполнительской дисциплиной научных сотрудников, так как надо было организовать совместную работу ранее совершенно независимых коллективов, в которых большинство составляли члены АН СССР преклонного возраста, к тому же трудившиеся на общественных началах. Их обязанности не были регламентированы²⁶. Одни комиссии, как, например, Комиссия по истории физико-математических наук, в которой одновременно готовили к изданию труды и письма Н. Бернулли, Э. И. Ленца, Н. И. Лобачевского, М. В. Остроградского, Г. В. Рихмана, М. Фарадея, Б. С. Якоби, работали интенсивно и каждый месяц проводили заседания²⁷. Помимо названного выше

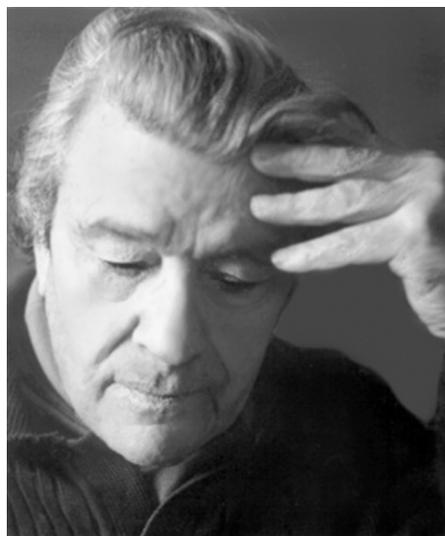

Рис. 3. Борис Варфаломевич Федоренко (1913–2007)

руководства и штатных сотрудников этой комиссии в нее входили такие видные физики, астрономы и математики, как академик А. Ф. Иоффе, члены-корреспонденты АН СССР М. Ф. Субботин, М. А. Шателен, А. А. Михайлов, профессора К. К. Баумгарт, Д. Д. Иваненко, Х. М. Фаталиев. За исключением Шателена, который сильно болел, все они активно работали, часто выступали с докладами. В 1954 г. комиссия провела восемь вечерних открытых заседаний в главном здании АН СССР, посвященных знаменательным датам из истории науки, на которых были зачитаны 15 докладов. На этих заседаниях присутствовало от 30 до 170 человек, а всего их по отчетам посетили 665 человек, т. е. в среднем около 80 человек на каждое заседание²⁸.

Другие же, например, КИАН и Комиссию по изданию трудов М. В. Ломоносова, ни разу не удалось собрать на протяжении двух лет, и всю работу вели только штатные сотрудники. В Комиссии по разработке научного наследия и изданию трудов Д. И. Менделеева наблюдалась противоположная картина. Исполнителями семи числившихся в ее планах тем были внештатные сотрудники, а двое штатных (Найденова, Рубашко) не имели навыков историко-научных исследований да и скорее всего не жаждали их приобрести, так как готовили диссертации по экспериментальной химии²⁹. Наблюдая за всей этой несогласованностью, Райков старался теперь уже остаться в штате ИИЕТ. 1 октября 1953 г., т. е. практически сразу после организации ЛО ИИЕТ, он писал С. Л. Соболю: «...хорошо, что я и Красоткина по-прежнему будем

²⁶ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 12. Л. 3.

²⁷ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–16.

²⁸ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

²⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 6722. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

входить в сектор биологических наук в Москве, а не в какую-либо здешнюю комиссию»³⁰. В итоге по всем комиссиям план 1953 г., традиционной болезнью которого было мелкотемье, оказался не выполнен. Нелегко было и с поиском новых сотрудников. Историков науки нигде не готовили, и на работу принимали историков и даже филологов или специалистов в конкретных отраслях знания, не имевших навыков гуманитарных исследований. Необходимо было выработать принципы взаимодействия с руководством ИИЕТ и существовавшими там секторами, часто занимавшимися сходными проблемами.

Уже в 1954 г. комиссии – за исключением Комиссии по разработке научно-го наследия и издания трудов Д. И. Менделеева, которую вывели из состава ЛО ИИЕТ и перевели в Москву, – были ликвидированы и созданы группы из одного-двух человек по отдельным отраслям естественных и технических наук. Но и это не решило проблему интегрированного плана исследований³¹. Кадровую политику руководства филиала критиковали во время проверки в марте 1957 г., отмечая мелкотемье, большое число филологов и историков, не способных квалифицированно исследовать историю естественных и технических наук, загруженность исследователей внеплановыми темами, дублирование планов московской части института, а также отсутствие надлежащих помещений, оборудования и т. д.³²

Надо сказать, что эти недостатки прекрасно осознавали и ведущие сотрудники ЛО ИИЕТ. В частности, на партийном собрании 5 апреля 1956 г. в присутствии секретаря парторганизации ИИЕТ РАН С. В. Шухардина состоялся обстоятельный и высококвалифицированный анализ представленного дирекцией ИИЕТ плана научно-исследовательской работы³³. В подробных выступлениях Елисеева, Анатолия Васильевича Предтеченского (1893–1966), Райкова, Ченакала и других было высказано немало ценных идей, не потерявших своей актуальности в наши дни. В частности, работавший по совместительству Яков Григорьевич Дорфман (1898–1974) возражал против обилия в планах обобщающих трудов по истории физики, химии, математики и т. д., написание которых под силу лишь ученым, имеющим многолетний опыт историко-научных исследований по первоисточникам и на архивном материале³⁴. В противном случае, как он справедливо указывал и что было подтверждено последующим опытом, возникает опасность появления компиляций, претендующих на фундаментальность. В принципе с ним был согласен Райков, который при составлении планов исходил прежде всего из наличия конкретных исполнителей и имеющегося архивного материала. Практически все выступавшие ратовали за то, чтобы план ЛО ИИЕТ имел собственное лицо, а не был бы придатком московской части ИИЕТ. Доставка Федоренко за неумение отстаивать в Москве интересы коллектива и

³⁰ СПФ АРАН. Ф. 893. Оп. 4. Д. 333. Л. 53.

³¹ СПФ АРАН. 1043. Оп. 1. Д. 36. Л. 2.

³² СПФ АРАН. 1043. Оп. 1. Д. 71. Л. 1–5.

³³ ЦГАИПД СПб. Ф. 6722. Оп. 2. Д. 1. Л. 37–40.

³⁴ Там же.

отдельных сотрудников. Кольцов старался по мере сил и возможностей сгладить противоречия, но далеко не всегда ему это удавалось.

Критические соображения были высказаны и 28 июня 1956 г. на закрытом партийном собрании с участием директора ИИЕТ АН СССР Николая Александровича Фигуровского (1901–1986), что вызвало у него отрицательную реакцию. Накануне руководителем ЛО ИИЕТ был утвержден Петр Павлович Перфильев (1897–1977)³⁵, а Федоренко – ученым секретарем. Пообещав со временем назначить заведующего ЛО ИИЕТ третьим заместителем директора института и ввести часть ленинградских сотрудников в ученый совет, Фигуровский резко отверг идею создания в ЛО ИИЕТ секторов и возможность иметь в ЛО ИИЕТ собственный план исследований³⁶. Он заявил: «Сотрудники ЛО ИИЕТ прикреплены к секторам в Москве и должны работать совместно с ними» и выступил против создания в ЛО ИИЕТ специальной группы по разработке творческого наследия Ломоносова. С этим не согласились многие члены собрания, прежде всего Елисеев, которого поддержал секретарь парторганизации Кольцов, не любивший конфликты с начальством. В мягкой форме он указал, что в ЛО ИИЕТ уже сложилась собственная структура исследований, а кадровые и финансовые вопросы в Москве решаются годами, рукописи долго не утверждаются к печати, задерживаются их публикация. В конце Фигуровский вроде бы согласился с целесообразностью иметь группы в ЛО ИИЕТ, но в дальнейшем представители московской администрации еще не раз рекомендовали всем несогласным придерживаться планов московских секторов поискать другое место работы.

В отличие от Федоренко, не имевшего научных степеней и званий, столь важных для успешного администрирования в Академии наук, Перфильев, видимо, ставший руководителем ЛО ИИЕТ не без участия Райкова, с которым их связывали десятилетия тесной дружбы и сотрудничества³⁷, был признанным ученым в области экологии, паразитологии и эпидемиологии (рис. 4). Ученик знаменитых зоологов Н. А. Холодковского и Е. Н. Павловского, профессор, доктор биологических наук, лауреат Сталинской премии, награжденный несколькими высокими орденами, он сразу стал полноправным руководителем ЛО ИИЕТ и вскоре заместителем директора ИИЕТ. До прихода в отделение Перфильев возглавлял кафедру общей биологии и паразитологии в Военно-медицинской морской академии, ликвидированной в 1956 г., был главным биологом Военно-морского флота. Привыкший к военной дисциплине и единоначалию, Перфильев предпочитал решать научно-организационные и административные вопросы самостоятельно, не советуясь по каждому вопросу ни с сотрудниками, считавшими себя уже ветеранами ЛО ИИЕТ, ни с наиболее активными членами партии. В то же время на первых порах он не вникал в суть текущей работы, в том числе и научно-исследовательской, передоверив контроль по ней Федоренко, не учитывая, что последний явно считал себя обиженным после неудачной попытки защитить кандидатскую диссертацию по Н. И. Лобачевскому в 1957 г.

³⁵ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.

³⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 6722. Оп. 2. Д. 1. Л. 74–78.

³⁷ СПФ АРАН. Ф. 893. Оп. 4. Д. 300.

*Рис. 4. Петр Павлович Перфильев
(1897–1977)*

Перфильев по мере сил и возможности отстаивал перед академическим и партийным начальством интересы возглавляемого им коллектива, добиваясь учреждения ученого совета, обладающего теми же правами, что и ученый совет в Москве, включения в планы издательства АН СССР завершенных плановых работ, разграничения полномочий между московскими секторами и ленинградскими группами, соответствия разрядок на сокращение численности ИИЕТ и ЛО ИИЕТ, улучшения условий труда, обеспечения оборудованием, предоставления новых площадей³⁸. И многое ему удалось сделать. 12 апреля 1957 г. Президиум АН СССР утвердил в составе ЛО ИИЕТ

группы истории АН, физико-математических наук, биологических наук, архивных исследований, а также Музей М. В. Ломоносова – в соответствии со сложившимися направлениями³⁹. Однако в обновленном отделении не оказалось группы по истории техники, а в соответствии с приказом по ЛО ИИЕТ от 4 мая 1957 г. почти все историки техники, за исключением переводимого в московский сектор Федора Николаевича Загорского (1915–?), увольнялись вместе с рядом других неэффективно работавших сотрудников по сокращению. Это вызвало сильное брожение в коллективе. Пошли письма-протесты в Президиум АН СССР и ленинградские партийные органы. Против Перфильева образовалась мощная фронда из бывших фронтовиков, к которым примкнул и Федоренко.

Вскоре конфликт вышел за пределы ИИЕТ, нашел отражение в местной прессе и стал предметом разбирательств ряда комиссий, а в конечном счете привел к уходу из института ряда ключевых сотрудников. 23 июня 1957 г. состоялось партийное собрание ЛО ИИЕТ, на котором присутствовали инструктор Ленинградского обкома КПСС А. А. Боголепов, инструктор Василеостровского райкома КПСС А. А. Майровин и ученый секретарь А. А. Ураносов. Сохранившиеся 100 страниц стенографического отчета прекрасно передают накал борьбы и эмоциональность выступающих (Меньшиков, Алексей Михайлович Мурзин, Борис Николаевич Ржонсницкий (1909–1982), Елисеев и др.)⁴⁰. Практически все сосредоточили критику на Перфильеве, руководствуясь нередко сугубо личными соображениями, прикрываемыми словами о необходимости развивать политически важные научные исследования, о подборе и расстановке кадров по деловым и политическим качествам, заботе о людях и т. д. Неожиданно резко выступил Федоренко, который обвинил Пер-

³⁸ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 56. Л. 23–24.

³⁹ Там же. Д. 75.

⁴⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 6722. Оп. 2. Д. 4. Л. 31–128.

фильева в отсутствии продуманной структуры отдела, в некомпетентности в историко-научных и административных делах, в нарушении трудового законодательства, в беспринципности, в предательстве интересов коллектива ЛО ИИЕТ и сервильности перед московской дирекцией, в лоббировании историко-биологических исследований в ущерб остальным и даже в использовании служебного положения в личных целях. В заключение Федоренко потребовал объявить Перфильеву выговор и освободить от занимаемой должности, что вызвало негативную реакцию присутствовавших на собрании представителей партийных органов. Обиженный Перфильев постарался сразу наказать обидчиков, подав в дирекцию ИИЕТ представления об освобождении Федоренко от обязанностей ученого секретаря, а Елисеева, который к тому времени не выполнил плановых тем, на досрочную аттестацию.

Не получив поддержки в Ленинграде и опасаясь расправы, критики Перфильева обратились в Президиум АН СССР и в Отдел науки ЦК КПСС, по указанию которого в период с 19 по 22 ноября 1957 г. в ЛО ИИЕТ работала комиссия, составленная из членов партбюро ИИЕТ И. А. Федосеева, Шухардина, Фигуровского и представителя Управления кадров АН СССР Акопяна. Подготовленное ими решение было призвано приглушить конфликт и может служить образцом подобного рода документов⁴¹. С одной стороны, в нем признавалась некорректность высказываний Фигуровского о том, что ЛО ИИЕТ является лишь придатком московского института, и указывалось на ошибочность решения не создавать в Ленинграде, городе технического прогресса, группы по истории техники при наличии для этого всех кадровых предпосылок. Была отмечена и неправильная реакция Перфильева, связанная с его попытками административным путем заставить замолчать критиков. Дирекции ЛО ИИЕТ было предложено трудоустроить лиц, попавших под сокращение. Вместе с тем указывалось на непартийное поведение Елисеева и Федоренко, пытавшихся критикой Перфильева прикрыть свои неудачи в научной сфере. Характерно, что ознакомить коллектив ЛО ИИЕТ с решением комиссии было поручено А. Т. Григоряну и А. Э. Кольману, известному своими погромами науки в 1930-е гг. Однако и эти решения не удовлетворили критиков, под огонь которых попал уже и Кольцов за непоследовательность и беспринципность. Ржонсницкий продолжал уверять, что Фигуровский действует дубинкой. Все требовали гарантий, что не будет расправы за критику: Федоренко дадут защитить диссертацию, а Елисеева не уволят за невыполнение плана.

21 февраля 1958 г. после обсуждения доклада Перфильева бюро Василеостровского райкома приняло решение «О состоянии научно-исследовательских работ в ЛО ИИЕТ». В нем была отмечена пагубная практика принятия на работу научных сотрудников без конкурса по разнарядке Президиума АН СССР. От коллектива требовали исследований, «которые бы помогали практике коммунистического строительства и способствовали повышению уровня сознательности и культуры народа», а также помощи в написании книг по истории фабрик и заводов⁴². 30 марта 1958 г. в «Ленинградской правде» появилась статья за подписью Зазерского и Стороженко «Без требования жизни»,

⁴¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 6722. Оп. 2. Д. 7. Л. 6–9.

⁴² СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 113. Л. 2.

в которой описывалась нездоровая обстановка в коллективе и отрыв планов научных исследований от актуальных проблем.

3 апреля 1958 г. состоялось заседание партийного собрания, на котором решение Василеостровского райкома партии было полностью одобрено и принято как руководство к действию⁴³. По мнению Елисеева, в нем были поставлены все точки над *i* и создана возможность нормальной работы без боязни расправы за критику, чем он и объяснял срыв своих плановых заданий и активность выступлений. 7 апреля 1958 г. был утвержден план мероприятий по выполнению этого постановления, в котором особое внимание уделялось подготовке третьего тома «Истории АН СССР», разработке научного наследия Ломоносова, созданию группы истории технических наук, организации Ленинградского отделения Советского национального объединения истории естествознания и техники (СНОИЕТ), укреплению руководства структурных подразделений за счет приглашения по совместительству крупных специалистов в области физики и техники, участию в написании истории Металлического и Кировского заводов, «Электросилы» и т. д.⁴⁴

Тем не менее расправа над критиками была осуществлена. 16 мая 1958 г. Федоренко освободили от должности ученого секретаря ЛО ИИЕТ и назначили младшим научным сотрудником, вспомнив о постановлении Совета министров СССР (1957), запрещавшем более трех лет занимать руководящие должности в научных учреждениях лицам, не имевшим научных степеней и званий. В том же году ему со второй попытки не удалось защитить кандидатскую диссертацию «Годы учебы Н. И. Лобачевского и его первые геометрические исследования». 17 октября 1958 г. его вместе с Елисеевым забаллотировали при выборах в партбюро с результатами: Федоренко – «за» 6, «против» 8; Елисеев – «за» 3, против «11»⁴⁵. Таким образом, первичная парторганизация определилась в этом конфликте. В апреле следующего года Елисеев не прошел по конкурсу и сразу же был уволен, что в целом подтвердило утверждение Федоренко, что московская дирекция проводит конкурс не как меру воспитания сотрудников, а как способ их запугивания⁴⁶.

Сам Федоренко не стал ждать подобной развязки и 20 сентября 1959 г. переехал в Ленинградское отделение Союза писателей СССР, где был одним из организаторов и первым директором Музея Ф. М. Достоевского (с 1971 г.) и возглавлял отдел журнала «Нева». В 1988 г. он издал в серии «Научное наследство» фундаментальный труд «Новые материалы к биографии Н. И. Лобачевского» (1988), над которыми начал работать еще в ЛО ИИЕТ. По нему можно судить о его высоком профессионализме и преданности истории науки.

Таким образом, привыкший к военной дисциплине Перфильев жестко завершил структурную и кадровую организацию, сократив всех, кто не выполнял планы исследовательских работ или выносил внутренние конфликты на суд вышестоящих организаций и прессы. Президиум АН СССР 23 мая 1958 г. утвердил ученый совет в составе 20 человек; ему были даны широкие

⁴³ ЦГАИПД СПб. Ф. 6722. Оп. 2. Д. 7. Л. 24–42.

⁴⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 6722. Оп. 2. Д. 8. Л. 9–10.

⁴⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 6722. Оп. 2. Д. 7. Л. 88.

⁴⁶ Там же.

полномочия, что повышало реальную власть Перфильева. При нем был издан первый и сдан в печать второй том «Истории АН СССР», издано 10 томов ПСС, успешно проведены грандиозные юбилейные мероприятия, посвященные Эйлеру (1957) и Ломоносову (1961). В штате стабильно состояли 40–46 человек, из которых три четверти были научные сотрудники. Состоялись защиты первых кандидатских диссертаций, подготовленных в ЛО ИИЕТ Матвиевской, А. П. Мандрыкой, Макеевой, Новлянской. К сожалению, несмотря на все хлопоты Перфильева и академика Смирнова, не удалось добиться ставки для талантливого историка математики Матвиевской, и она уехала в Узбекистан.

Под руководством Федоренко и Перфильева, хотя и не без трудностей, формировался коллектив исследователей, где вместе с молодыми учеными работали историк Предтеченский, биологи Райков и И. И. Канаев, археограф Андреев, физики Дорфман и Т. Н. Кладо, имевшие еще дореволюционное образование, а порой и опыт научной работы. Многим из них ЛО ИИЕТ дал возможность нормальной работы после долгих лет мытарств и даже репрессий. Например, академик Академии педагогических наук Райков, прошедший около 12 лет в лагерях и ссылке в Карелии, остался без работы после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., и ИИЕТ был основным местом его службы (рис. 5). Ученик Лаппо-Данилевского Андреев был арестован в 1929 г. по «академическому делу» и провел пять лет в ссылке в Красноярском крае. В 1947 г., работая в Москве в Институте истории (ИИ) АН СССР и Государственном историко-архивном институте, он был обвинен в «низкопоклонстве перед Западом» и «лапподанилевщине». В ЛО ИИЕТ Андреев проработал с 1953 до 1956 г. и ушел в Ленинградское отделение Института истории (ЛО ИИ) после новых обвинений в политической близорукости и бестактности.

Первая задача, которую пришлось решать ЛО ИИЕТ, – это многострадальный и многовековой проект подготовки фундаментального труда по истории Академии наук. Его поручали писать еще Миллеру к первому юбилею в 1774 г. Для выполнения этой задачи впоследствии не раз создавали различные комиссии, включая КИАН, вошедшую в состав ЛО ИИЕТ, где она сразу осталась без руководства. В октябре 1953 г. Волгин, покинувший пост вице-президента АН СССР, попросил освободить его от обязанности ее председателя. Его заместитель Вяткин, назначенный в ноябре 1953 г. директором ЛО ИИ АН СССР, не мог уделять этой работе серьезного внимания и уволился из ЛО ИИЕТ 8 декабря 1953. На его место был принят Предтеченский, в ру-

*Рис. 5. Борис Евгеньевич Райков
(1880–1966)*

Рис. 6. Анатолий Васильевич Предтеченский (1893–1966)

ководстве работой участвовали также Федоренко, директор ИИЕТ И. В. Кузнецов и его заместитель Фигуровский. 1 апреля 1955 г. Президиум АН СССР упразднил КИАН, создав вместо нее при ИИЕТ АН СССР редакционную коллегию «История Академии наук» во главе с вице-президентом АН СССР К. В. Островитяновым; его заместителем был утвержден Предтеченский (ученик С. Ф. Платонова), а ученым секретарем – Кольцов. Два Анатолия Васильевича представляли собой удачный тандем, главным «мотором» которого был Кольцов, т. е. Анатолий Васильевич-младший.

Однако трудно переоценить вклад Предтеченского – Анатолия Васильевича-старшего (рис. 6), воспитавшего собственную школу. Среди его учеников – знаменитый литературовед

Ю. М. Лотман и крупный историк Ю. Д. Марголис⁴⁷. За его плечами были кампании осуждения за «преклонение перед иностранщиной» и «буржуазный объективизм» 1949 г. Его монографию «Очерки общественно-политической мысли в России в начале XIX века» уничтожили в наборе, заставив автора публично каяться, что не спасло его от дальнейших гонений. В 1953 г. в постановлении Президиума АН СССР он был обвинен в научной непродуктивности, остался без работы и пришел в ЛО ИИЕТ, где сразу начал трудиться над томами по истории АН СССР. Предтеченский проявил себя талантливым организатором и редактором, опубликовал ряд пионерских статей по истории Императорской Академии наук в период революции 1905–1907 гг. Его огромная эрудиция, редакторский и просто жизненный опыт, высокий научный авторитет позволили обойти многие подводные камни в подготовке двух томов «Истории Академии наук СССР» (1958, 1964), охватывавших период с 1724 по 1917 г. Несмотря на пережитые гонения, Предтеченский всегда был открыт для общения, щедро делился своими энциклопедическими знаниями с молодежью.

Благодаря своим уникальным личностным и научным качествам особое место в ЛО ИИЕТ сразу занял Кольцов. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН на листах использования практически всех дел за XX в. сохранились его отметки. Удивительная память, удерживавшая точно цифры, даты, имена и отчества людей, о которых ему приходилось читать, яркий красочный язык, блестящий талант рассказчика сделали его живой энциклопедией АН СССР. За свою жизнь он подготовил сотни справок и записок для вышестоящих

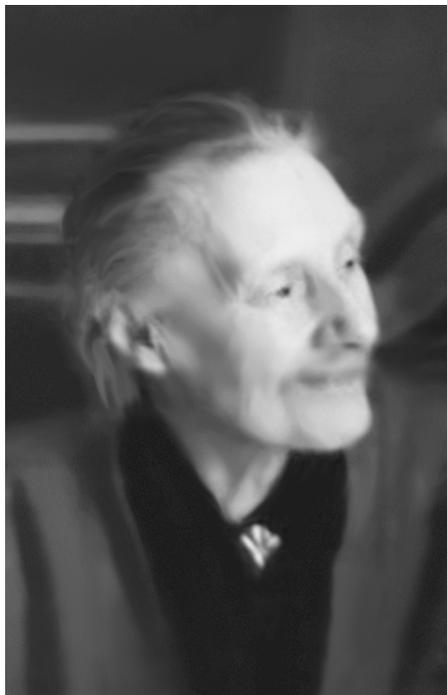
⁴⁷ Анатолий Васильевич Предтеченский. Из творческого наследия / Отв. ред. А. Н. Цамутали; сост. Т. Н. Жуковская, Л. М. Предтеченская. СПб., 1999.

органов, но при этом оставался всегда скромным, приветливым и исключительно доброжелательным к людям. Человек тонкого ума и юмора, он всегда был готов помочь любому, обратившемуся к нему за советом. Вместе с тем он не переносил никакой небрежности, ничего не брал из вторых рук и не цитировал по памяти, проверяя и перепроверяя не только других, но и себя. Он автор восьми монографий, десятки книг вышли под его редакцией. Десятки, если не сотни, докладов он написал для выступлений высокопоставленных гостей на разных юбилейных мероприятиях, и можно сказать, что он не раз выступал и публиковался под псевдонимами руководителей партии, страны и Академии наук. В 1963–1966 гг. Кольцов возглавлял ЛО ИИЕТ и много сделал для его сохранения и развития.

В двух томах, подготовленных под руководством Предтеченского и Кольцова, на основе обширного архивного и литературного материала раскрывалась деятельность Академии наук как высшего научного учреждения страны, был показан вклад ученых в развитие естественных, технических и гуманитарных наук. Было проанализировано значение деятельности Академии наук как важнейшего фактора, способствовавшего культурному прогрессу страны, просвещению народа. Яркие страницы были посвящены кропотливой и упорной работе многих поколений ученых, связанной со сбором и хранением бесценных сокровищ – памятников культуры прошлых веков, сконцентрированных в институтах, библиотеках, музеях и архивах Академии наук. Наряду с сотрудниками ЛО ИИЕТ (Т. К. Быковой, О. И. Дейнекой, Загорским, Жигаловой, С. В. Литкевичем, Т. А. Лукиной, Макеевой, Мандрыкой, Е. В. Блэк (Соболевой), Райковым, Суховой, М. А. Цветковой, Ченакалом) авторами глав были более 30 историков из научных и высших учебных учреждений Ленинграда и Москвы. Среди них были Блок, Е. Г. Бобров, Любименко, Князев, Е. С. Кулябко, Д. С. Лихачев, Раскин, Смирнов, И. И. Шафрановский, А. П. Юшкевич и др. В этом проекте проявилась ярко формирующаяся традиция, обеспечивающая особое место ЛО ИИЕТ в научном сообществе Ленинграда / Санкт-Петербурга, – привлекать для выполнения крупных проектов многих крупных ученых и историков науки из других учреждений и организовывать их слаженную работу. Для это требовались не только большие организаторские и редакторские способности, но и эрудиция, а самое главное – такт.

При участии крупнейших специалистов соответствующих отраслей знаний был подготовлен и передан в издательство третий том «Истории Академии наук». Но в 1962 г. покинул пост вице-президента АН СССР Островитянов, и никто в Президиуме АН СССР не желал брать на себя ответственность за выпуск тома, запланированного к 50-летию Октябрьской революции. 2 июля 1965 г. вопрос о подготовке третьего тома обсуждался на заседании Президиума АН СССР, а затем 24 ноября редколлегией, где было решено доработать структуру, увеличить объем некоторых глав, ввести новые главы и обратить особое внимание на перестройку деятельности Академии наук в первые годы советской власти, осветить борьбу за марксизм и т. д.⁴⁸ После многократных обсуждений, доработок и переработок по советам рецензентов рукопись не получила одобрения в ЦК КПСС. Недобрую роль в ее судьбе сыграли неко-

⁴⁸ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 162. Л. 3–4.

*Рис. 7. Татьяна Николаевна Кладо
(1889–1972)*

торые члены АН СССР, основное внимание уделявшие тому, сколько места в книге отведено их заслугам и трудам. Рукопись раздали по отделениям «для доработки», которая продолжалась до начала перестройки, а там стало ясно, что необходимо менять всю концепцию. В конечном счете до сих пор нет труда, подробно освещающего научную деятельность Академии наук в советский период, и вряд ли стоит ожидать его появления в обозримом будущем.

Обращение к проблемам истории академии дало возможность раскрыться уникальным способностям участницы Великой Отечественной войны Юдифи Хаимовны Копелевич (1921–2009), которую в 1953 г. Райков пригласил на работу как переводчика. Прекрасному латинисту, германисту, поэту и знатоку искусства, ей трудно было найти постоянную работу в период борьбы с космополитизмом. В ЛО ИИЕТ она вначале работала с рукописями К.Э. фон Бэра и К. Ф. Вольфа, но

вскоре, оценив уникальные способности Копелевич, ее привлекли к работе над подготовкой к печати переписки Академии наук в XVIII в. В те годы началось ее многолетнее сотрудничество с Юшкевичем. В ЛО ИИЕТ она стала известным во всем мире специалистом по истории российской науки XVIII–XIX вв., способным читать с листа самый сложный почерк на древнерусском, латинском, немецком и французском языках.

Подлинным кладом для ЛО ИИЕТ стала выпускница Бестужевских курсов Татьяна Николаевна Кладо (1889–1972), дочь выдающегося историка и теоретика русского флота, генерал-майора Н. Л. Кладо, возглавлявшего после революции Управление высших военно-морских учебных заведений (рис. 7). Уже после его смерти ее осудили за преподавание троцкизма, хотя, работая аэрологом, она никогда не занималась преподавательской деятельностью. Более 10 лет Кладо провела в сельскохозяйственных лагерях, где вначале выполняла самую черную работу. В ЛО ИИЕТ она пришла в середине 1950-х гг., и сразу стало ясно, что коллектив приобрел великолепного сотрудника, свободно владевшего почти всеми современными европейскими языками, а также латынью. При ее решающем участии подготовлены десятки книг и диссертаций, так как Кладо была очень доброжелательным человеком, готовым помочь каждому, кто в ней нуждался. Она писала прекрасные стихи, знала много веселых историй, с юмором рассказывала об аресте и лагере. Это была воистину солнечная женщина, благодарную память о которой до сих пор хранят все, кому посчастливилось с ней общаться.

По традиции важнейшим направлением историко-научных исследований в Санкт-Петербурге / Ленинграде было изучение научного наследия Эйлера. Первым изданием ЛО ИИЕТ по эйлеряне стала книга Алексея Петровича Мандрыки (1918–1986) «Баллистические исследования Леонарда Эйлера» (1958), подготовленная под редакцией Б. Н. Окунева. В ходе подготовки к 250-летию со дня рождения Эйлера к изучению деятельности ученого подключили Копелевич, Кладо и Лукину. В 1959 г. в Берлине на немецком языке под редакцией Юшкевича и Э. Винтера вышел первый том, характеризовавший отношения Берлинской и Петербургской академий в переписке Эйлера, составленный П. Гофманом, Кладо и Копелевич. Следующие два тома были опубликованы в 1961 и 1976 гг. Этим же авторским коллективом в 1965 г. в Берлине издана переписка Эйлера и Х. Гольдбаха. В 1962 г. было издано научное описание рукописных материалов Эйлера в Архиве АН СССР, составленное Копелевич совместно с М. В. Крутиковой, Г. К. Михайловым и Раскиным. На следующий год под редакцией академика Смирнова вышла книга «Леонард Эйлер. Письма к ученым», составленная Кладо, Копелевич и Лукиной. Впоследствии был издан второй том корреспонденции Эйлера. В 1967 г. под редакцией Смирнова и Юшкевича вышел аннотированный указатель более 2220 писем из эпистолярного наследия ученого. Для его подготовки пришлось расшифровать письма многих ученых, написанные, естественно, на разных языках и чаще всего трудно разбираемыми почерками. Расшифровка и введение в научный оборот такого огромного корпуса архивных материалов существенно расширяли представления о науке XVIII в. и ее международных научных связях. Подвижнический труд по подготовке данного издания был высоко оценен мировым научным сообществом. Впоследствии Кладо, Копелевич, Матвиевская, Невская и присоединившаяся к ним в конце 1965 г. Елена Петровна Ожигова (1923–1994) участвовали в работе Швейцарской академии естественных наук по изданию полного собрания сочинений Эйлера.

15–18 апреля 1957 г. в Большом конференц-зале Ленинградского административно-хозяйственного управления (ЛАХУ) состоялась сессия отделений физико-математических и технических наук АН СССР, посвященная 250-летию со дня рождения Эйлера. В ней участвовали более 300 отечественных и зарубежных специалистов, в том числе все руководство Президиума АН СССР во главе с М. В. Келдышем. В здании Кунсткамеры была организована выставка рукописей, портретов и изданий.

В связи со столетием со дня смерти А. фон Гумбольдта в Германии и СССР велась работа по выявлению его переписки с российскими учеными. Поводом для проекта стала находка письма Гумбольдта к Б. С. Якоби. В связи с этим вице-президент АН ГДР Н. Эртель в 1955 г. предложил президенту АН СССР А. Н. Несмеянову совместную публикацию этих писем в Берлине как подтверждение тесного сотрудничества двух академий⁴⁹. Отвечая на запрос, Федоренко в письме от 5 августа 1955 г. писал о целесообразности совместной работы по подготовке к публикации всех писем Гумбольдта, хранящихся в Архиве АН СССР, и издания на двух языках обширного тома. В итоге работу выполнили только советские ученые. Переводы писем Гумбольдта, имевшего

⁴⁹ СПФ АРАН. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 47. Л. 3.

неразборчивый почерк и небрежно переходившего с немецкого на французский, выполнила в основном Кладо и отчасти Лукина. Вместе с ними примечания делали Радовский, Сухова и Федоренко. В 1962 г. книга «Переписка А. Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России» вышла в свет. Радовский был инициатором аннотированной библиографии Гумбольдта в русской литературе, составленной Суховой и изданной на русском и немецком языках в Лейпциге.

Довольно быстро в деятельности ЛО ИИЕТ видное место заняло изучение истории международных научных связей. Одним из первых, кто обратился к этой теме, был Радовский, автор книги «Вениамин Франклин и его связи с Россией» (1958). Три года спустя он выпустил еще две книги по этой проблеме: «Из истории англо-русских научных связей» (1961) и «Научные связи русских и английских биологов» (1961), подготовленные совместно с Жигаловой. В сотрудничестве с немецкими учеными Новлянская исследовала дневники путешествия Д. Г. Мессершмидта по Сибири и написала о нем книгу, а сами дневники были изданы в Германии⁵⁰. Сотрудники ЛО ИИЕТ участвовали в изучении и подготовке к изданию переписки К. Линнея с И. Амманом, Миллером, С. П. Крашенинниковым и др., которая опубликована в книге «К. Линней» (1958). Кладо и Копелевич перевели письма ученых, вошедшие в книгу «Русско-французские научные связи» (1968).

Сотрудники ЛО ИИЕТ готовили монографии об отдельных этапах развития Академии наук в XVIII–XX вв., о развитии в ней различных отраслей науки, о жизни и творчестве крупных ученых и др. Радовский изучал роль в истории российской науки А. Д. Кантемира. Историей изучения Восточной Сибири в XIX в. занималась Сухова. В 1960 г. был создан сектор истории АН СССР, который возглавил Предтеченский, а после его ухода на пенсию в 1966 г. – Кольцов.

Одним из главных проектов этого периода было завершение ПСС Ломоносова к грядущему в 1961 г. 250-летию со дня его рождения, а также подготовка летописи его жизни и деятельности. Здесь коллектив складывался особенно непросто, так как фактически одной и той же проблемой занимались ведущие сотрудники практически всех структур, вошедших в состав ЛО ИИЕТ, в том числе такие признанные ломоносоведы, как Станюкович, Дорфман, Елисеев, Андреев, а кроме того сотрудники Архива АН СССР Князев, Раскин, Блок, Кулябко. Неслучайно уже с первого научного совещания ЛО ИИЕТ начались споры о принципах и этике подбора архивного материала для ПСС Ломоносова и об объективности оценок его творчества⁵¹. Начиная с четвертого тома фактически всей работой руководил Ченакал, которого в 1939 г. к научной деятельности привлек Вавилов, хотя в то время Ченакал не имел высшего образования. Под руководством Вавилова он подготовил и опубликовал книгу «Очерки по истории русской астрономии» (1951), а позднее, возглавляя Музей М. В. Ломоносова, заочно окончил Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, стал кандидатом физико-мате-

⁵⁰ *Messerschmidt, D. G. Forschungsreise durch Sibirien. Bd. 1–5 / G. Jarosch (Hrsg.). Berlin, 1962–1977.*

⁵¹ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–6.

матических наук (1969) и автором известных книг по истории академических инструментов XVIII в. и о русском оптике И. И. Беляеве (1976). Вышло несколько изданий подготовленного под его руководством путеводителя по музею, который в те годы ежегодно посещали от 85 000 до 164 000 человек, а также десятки иностранных делегаций. В 1958 г. в музее появились два новых зала, в которых разместилась экспозиция «Русская астрономия XVIII века» и демонстрировался Большой Готторпский глобус.

Практически сразу в Институт этнографии вернулась Станюкович, а вскоре Победимова. Основное внимание сотрудники музея, где помимо Соколовой работали Марианна Евгеньевна Глинка (1908–1979), Андреева, Засыпкина, Галина Иосифовна Бурьян (р. 1930), Роза Борисовна Городинская (р. 1928) и Андреев, уделяли завершению ПСС. Уже в 1953 г. были подготовлены четвертый, пятый, восьмой⁵², а затем девятый и десятый тома. Из сотрудников ЛО ИИЕТ в их подготовке участвовали также Дорфман, Елисеев, Жигалова, Радовский и Макеева. Из лиц, не состоявших штатными сотрудниками ЛО ИИЕТ, работали также бывший ученый секретарь КИЗ Блок и сотрудник ИИНиТа Раскин. Под редакцией Ченакала вышли в свет четвертый и шестой выпуски сборника «Ломоносов», в которых содержались статьи и важные архивные материалы, позволявшие уточнить биографию ученого и лучше понять многие стороны его деятельности. Со временем из ЛО ИИЕТ ушли практически все крупные ломоносоведы, обеспечившие подготовку ПСС, выход сборников «Ломоносов» и десятков книг о нем. По пустячному обвинению в недисциплинированности была уволена Бурьян, проработавшая в Музее с 1954 по 1960 г. Два года спустя уволили по сокращению Андрееву, опытного редактора, сыгравшего важную роль в издании ПСС, которым она занималась в издательстве АН СССР задолго до прихода в ЛО ИИЕТ. Тогда же была уволена Ольга Ивановна Дейнека, также пришедшая в ЛО ИИЕТ в феврале 1954 г. переводом из академического издательства.

С 1954 г. в Музее Ломоносова работала Галина Евгеньевна Павлова (1925–2000), выполнявшая в 1958–1971 гг. обязанности ученого секретаря ЛО ИИЕТ. Ученица С. Н. Валка и Гуковского, работавшего после ликвидации ИИНиТа в ЛГУ и Эрмитаже, в своей жизни она пережила немало трагических страниц: потерю в блокаду отца и матери, арест Гуковского во время борьбы с безродными космополитами⁵³. Несмотря на все невзгоды, Павлова осталась оптимисткой, веселым и жизнерадостным человеком. Ее первым опытом историко-научной работы было участие в подготовке восьмого тома ПСС, который редактировал по велению судьбы Блок. В дальнейшем она стала одним из ведущих ломоносоведов. При содействии Копелевич она подготовила уникальный сборник воспоминаний о Ломоносове и рецензий на его статьи в зарубежных журналах (1962). Заняв должность ученого секретаря, Павлова обратилась к научному творчеству декабристов, написала книгу о французском астрономе Ж.-Ж. Лаланде (1970), а после переезда в Москву опубликовала книгу о С. Я. Румовском. Перейдя в ИИЕТ, она в соавторстве с А. С. Федоровым написала биографию Ломоносова (1986), переведенную на

⁵² СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

⁵³ Последний рассказ историка науки: интервью Г. Е. Павловой (6 июля 1999 г., ИИЕТ РАН) / Публ. С. С. Илизарова // ВИАТ. 2001. № 1. С. 157–180.

пять языков и ставшую важным каналом распространения знаний о нем за пределами СССР.

К 250-летию со дня рождения Ломоносова в 1961 г. были изданы монографии Радовского «М. В. Ломоносов и Петербургская академия наук», Макеевой «История создания “Российской грамматики” Ломоносова» и Глинки «М. В. Ломоносов. Опыт иконографии», а также фундаментальный труд «Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова», составителями которого были Ченакал, Андреева, Павлова и Соколова, а в сборе архивного материала участвовали десятки других сотрудников ЛО ИИЕТ. Этот труд стал итогом многолетнего изучения творчества Ломоносова и скрупулезного обследования российских архивов. До сегодняшнего дня он не имеет аналогов среди работ о жизни и деятельности крупных российских ученых ни по охвату материала, ни по детальности изучения. По планам ЛО ИИЕТ были опубликованы к юбилею классические книги Г. М. Коровина «Библиотека М. В. Ломоносова» (1961), Кулябко «М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук» (1962), Раскина «Химическая лаборатория М. В. Ломоносова. Химия в Петербургской академии наук во второй половине XVIII века» (1962).

Сами юбилейные торжества, посвященные 250-летию со дня рождения Ломоносова, носили характер всенародного праздника и продолжили традиции, заложенные еще в середине 1930-х гг. В юбилейных заседаниях, состоявшихся в Ленинграде 23–24 ноября 1961 г., с докладами выступили президент АН СССР М. В. Келдыш, лауреат Нобелевской премии Л. Полинг (США), ученые из других стран. В дальнейшем Музей М. В. Ломоносова оставался центром разработки научного наследия великого ученого. По традиции, установленной Вавиловым, здесь два раза в год, в день рождения и смерти Ломоносова, устраивали торжественные заседания.

В Комиссии по истории физико-химических знаний, преобразованной в 1957 г. в группу по истории физико-математических наук, а затем в сектор истории физико-технических наук, вначале было только три штатных сотрудника – Радовский, Жигалова и Новлянская. Чуть больше года в ЛО ИИЕТ проработал по совместительству Отрадных, успевший в годы Гражданской войны послужить и у Колчака, за сокрытие чего подвергался партийному взысканию, и в Красной армии⁵⁴. Основным местом его работы была кафедра общей математики ЛГУ, где в 1947 г. он защитил кандидатскую диссертацию по истории математики, – Отрадных был признанным специалистом в этой области. В 1930-х гг. он написал несколько учебников по алгебре для средних специальных учебных заведений; возвратившись с фронта в 1945 г., читал обширный «Курс лекций по истории математики», дважды изданный литографически (1953), опубликовал книгу о М. В. Остроградском (1953) и брошюру о П. Л. Чебышеве (1953). С кончиной 29 января 1955 г. Отрадных возникли сбои в работе Комиссии по истории физико-математических наук, постепенно сошли на нет многочисленные конференции и симпозиумы.

Радовский имел широкие интересы в области истории физики и многочисленные связи с ведущими физиками. Он исследовал научное творчество

⁵⁴ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 2. Д. 22. Л. 17–25.

во Якоби, опубликовал несколько монографий о А. С. Попове, Ломоносове и Б. Франклине и т. д. Ученый провел конференцию и подготовил к печати сборник «Русско-французские научные связи». Старшим научным сотрудником он был избран лишь за несколько лет до смерти, когда опубликовал уже более 10 книг.

Библиографическим указателем трудов Якоби, составленным Новлянской, начинается список книг, изданных новым учреждением в 1953 г. Позднее под влиянием Андреева она переключилась на изучение истории географических исследований, в 1958 г. издала книгу о И. К. Кирилове и его «Атласе Всероссийской империи», а годом позже карты самого «Атласа». В 1959 г., будучи уже в преклонном возрасте, Новлянская защитила кандидатскую диссертацию.

Историей физики в Академии наук XVIII в. занимался и Елисеев, так как Президиум Академии наук 22 мая 1953 г. снял с него обвинения в незаконном получении гонорара и отменил приказ о его увольнении⁵⁵. Елисеев, уволенный из КИАИ за провал подготовки первого тома «Истории АН СССР», именно для работы над ним и ПСС оказался в первом составе ЛО ИИЕТ – и успешно выполнил поставленные перед ним задачи: написал очерки о развитии физики в Академии наук в XVIII в., опубликовал статьи в сборнике «Ломоносов», открыл некоторые неизвестные его работы, которые вошли только в третий том второго ПСС (2011). Вместе В. Н. Голоушкиным он издал брошюру «Развитие электротехники в СССР» (1959).

Его пребывание в ЛО ИИЕТ оказалось недолгим. Как уже отмечалось выше, в апреле 1959 г. Елисеева не переизбрали на должность старшего научного сотрудника, и ближайший помощник Вавилова по КИАИ и ПСС в очередной раз был уволен из академического учреждения⁵⁶. Впоследствии Елисеев опубликовал несколько книг, подготовленных во время работы в ЛО ИИЕТ: «Возникновение науки об электричестве в России. Исследования М. В. Ломоносова и Г. В. Рихмана» (1960), «М. В. Ломоносов – первый русский физик» (1962) (в соавторстве с И. Б. Литинецким), о В. В. Петрове (1961) (вместе с Я. А. Шнейбергом), о Г. В. Рихмане (1975). Таким образом, решение ученого совета не было связано с оценкой результатов его научной деятельности.

Талантливым ученым была Татьяна Николаевна Горнштейн – вдова расстрелянного в конце 1930-х гг. философа биологии И. А. Вайсберга⁵⁷. В 1936 г. ей присвоили звание профессора по истории физики. В том же году особым совещанием она была осуждена по 58-й статье УК РСФСР и пять лет провела на Колыме, затем до 1949 г. работала в Магадане и во Владимире и снова с трехлетней дочерью была выслана в г. Ачинск Красноярского края, откуда смогла уехать только после снятия судимости в 1954 г. От нее молодые сотрудники ЛО ИИЕТ впервые узнали о порядках ГУЛАГа. В ЛО ИИЕТ Горнштейн попала в 1957 г. переводом из Москвы, где с 1955 г. работала младшим научным сотрудником. Изучая историю теплотехники, она в 1959 г. подгото-

⁵⁵ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 2. Д. 25. Л. 18.

⁵⁶ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 116. Л. 7.

⁵⁷ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 2. Д. 30. Л. 96–108; Архив ИИЕТ РАН. Личное дело Т. Н. Горнштейн.

вила рукопись «Избранные труды Г. Р. Кирхгофа», затем переключилась на написание раздела по физике для пятого тома «Истории философии». По распоряжению вице-президента АН СССР Островитянова 18 октября 1961 г. ее перевели на ленинградскую кафедру философии АН СССР⁵⁸. Но контакты с ЛО ИИЕТ она сохраняла до ухода на пенсию. В 1975 г. Горнштейн опубликовала прекрасную книгу «Философия Николая Гартмана (критический анализ основных проблем онтологии)» (1969). Не пропал в туне и ее труд в ЛО ИИЕТ. Выполненная ею работа вошла в изданную в 1962 г. книгу Г. Р. Кирхгофа «Механика. Лекции по математической физике».

В 1955–1957 г. в ЛО ИИЕТ по совместительству работал крупнейший физик Дорфман, заведующий кафедрой физики в Ленинградском гидрометеорологическом институте. Он участвовал в подготовке трудов классиков науки, в частности, П. Ланжевена (1960), предпринял новое издание своей книги об А. Л. Лавуазье (1962), а также готовил статьи для продолжающегося сборника «Ломоносов». Дорфман оказался принципиальным историком науки и одним из первых выступил против приписывания Ломоносову закона сохранения энергии. В 1958 г. он переехал в Москву и возглавил в ИИЕТ сектор истории физики.

По рекомендации Василеостровского райкома КПСС для укрепления кадров в ЛО ИИЕТ в мае 1958 г. были приняты на работу по совместительству крупный математик, заведующий кафедрой общей математики в Военно-механическом институте Борис Александрович Рымаренко (1906–1966), возглавивший группу физико-математических наук, и крупный физик-баллистик, профессор ЛГУ Борис Николаевич Окунев (1897–1961). Последнему поручили руководство группой истории техники. Он был наставником и редактором первых книг Мандрыки, человека редкого мужества и жизненного оптимизма. Мандрыка, потеряв зрение в конце войны, нашел в себе силы вернуться к активной жизни, защитил кандидатскую (1960) и докторскую (1967) диссертации по истории техники, опубликовал блестящую монографию по истории баллистики до середины XIX в. (1964).

В группе истории техники в 1954–1963 гг. работал крупный инженер по технике безопасности Загорский. Он опубликовал труды по истории техники безопасности (1955) и металлорежущих станков (1960), о С. Кнаббе (1965) и А. К. Нартове (1969). Его книга о русском механике и машиностроителе Л. Ф. Сабакине (1963) в 1966 г. была переведена на английский язык и издана в США. Уйдя на пенсию, Загорский продолжал работать в области истории техники и в соавторстве с И. М. Загорской опубликовал книги о Г. Модсли (1981) и Дж. Нейсмите (1989). Ржонсницкий занимался историей российской электротехники, переиздал дополненный вариант своей книги о Д. А. Лачинове (1955) и уже после ухода из ЛО ИИЕТ опубликовал в серии «Жизнь замечательных людей» книгу о Николе Тесле (1959), в соавторстве с А. А. Чекановым – труд о М. А. Шателене (1972) и в соавторстве с Б. Я. Розеном – книгу о Э. Х. Ленце (1987). Несмотря на критику со стороны Василеостровского райкома за неактуальность исследования, Игорь Леонидович Значко-Яворский (1905–?) завершил и издал фундаментальный труд «Очерки истории вяжущих

⁵⁸ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 152. Л. 23.

веществ от древнейших времен до середины XIX века» (1963) и проработал в ЛО ИИЕТ еще более 10 лет, став в 1965 г. доктором технических наук.

С июня 1959 г. в ЛО ИИЕТ работал один из создателей радиофизики и радиотехники в СССР Борис Александрович Остроумов (1887–1979)⁵⁹. У него было 33 авторских свидетельства на изобретения в области вакуумной физики, высокочастотных измерений, полупроводников, фотоэлементов, оптической записи информации и т. д. Историей науки он занялся после 70 лет и опубликовал две книги: «Нижегородские пионеры советской радиотехники» (1966) и «Ленин и Нижегородская лаборатория. История лаборатории в документах и материалах» (1967). Остроумов был величественный старик, всегда спокойный и доброжелательный. Проживший долгую жизнь и сотрудничавший со многими выдающимися физиками, включая Вавилова, он имел большие заслуги перед отечественной наукой, но не любил о них распространяться.

К середине 1960-х гг., когда ЛО ИИЕТ возглавлял Кольцов, исследования по истории физики и математики вошли в планы сектора истории АН. Там же с 1965 г. работал крупный историк психологии и физиологии Михаил Григорьевич Ярошевский (1915–2001), репрессированный в конце 1930-х гг. Непосредственно перед ЛО ИИЕТ он был заведующим кафедрой психологии в Педагогическом институте в Душанбе, а в 1969 г. уехал в Москву и организовал в ИИЕТ сектор проблем научного творчества.

Изначально в составе ЛО ИИЕТ был только один биолог, Райков, внесший выдающийся вклад в изучение развития эволюционных воззрений в додарвиновской России. Благодаря ему биология вскоре заняла в исследованиях ЛО ИИЕТ одно из центральных мест, и институт стал важным центром по разработке истории эволюционных идей. Созданная Райковым немногочисленная, но стабильная группа историков биологии за первые 15 лет выпустила 28 монографий и 6 серийных сборников по истории биологии в «Трудах ИИЕТ», что составляло около 30% всей научной продукции ЛО ИИЕТ за этот период.

Во время острого противостояния отечественных биологов с Т. Д. Лысенко и его сторонниками, искажавшими суть дарвиновского учения, Райков 27 ноября 1959 г. – в честь столетия со дня рождения великого английского ученого и столетия со дня выхода в свет его бессмертного произведения – организовал заседание секции биологии, на котором были заслушаны доклады «Дарвин о своих русских предшественниках» самого Райкова и «Был ли Мопертюи предшественником Дарвина?» Канаева⁶⁰. Впоследствии сотрудники филиала были инициаторами и организаторами главных юбилейных дарвиновских мероприятий в 1984 и 2009 гг.

Имея за плечами огромный опыт научно-педагогической, общественной и административной работы и прочно встроенный в академические сети, Райков до середины 1960-х гг. играл ключевую роль в кадровой политике ЛО ИИЕТ, в том числе в назначениях и сменах его руководителей и «выбивании» новых ставок.

⁵⁹ Остроумов Г. А., Остроумов А. Г. Борис Андреевич Остроумов / Отв. ред. В. М. Родионов, В. Я. Френкель. Л., 1991.

⁶⁰ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 85. Л. 101–106.

Библиографический список его опубликованных трудов составляет 655 названий. К ним надо добавить еще 36 рукописей, включая девять томов «На жизненном пути. Автобиографические очерки», которые хранятся в СПбФ Архива РАН⁶¹. Только за годы работы в ЛО ИИЕТ он опубликовал 86 книг и статей, из них 14 монографий, и еще 15 вышли под его редакцией. Среди его книг особое место занимает четырехтомная монография «Русские биологи-эволюционисты до Дарвина» (1952–1959), содержащая около 20 очерков о жизни и деятельности российских ученых-эволюционистов, многие из которых были практически забыты. Часть этих очерков издана в Германии в виде отдельных книг. Райков опубликовал также книгу, посвященную германским биологам-эволюционистам додарвиновского периода (1969). Его научные труды были одновременно и художественными произведениями, представлявшими образную картину развития науки, живые портреты ученых, точную психологическую мотивацию их деятельности, яркие зарисовки событий⁶². В своих книгах Райков подчеркивал, что исторически сложившиеся связи русских и немецких биологов в значительной степени предопределили развитие отечественной биологии. Эти идеи казались крамольными некоторым из его московских коллег; Райков не раз подвергался критике за склонность к космополитизму, объективизм, аполитичность и т. д.

В ЛО ИИЕТ раскрылся уникальный талант Райкова как воспитателя нового поколения историков биологии, которых он строго контролировал, давая еженедельные задания для сбора архивного и литературного материала не только для собственных плановых тем, но для выполняемых им. Те, кто не справлялся с его поручениями, довольно быстро уходили, как это произошло с кандидатом сельскохозяйственных наук, мичуринцем Степаном Васильевичем Литкевичем (1899–?), проработавшим около двух лет и уволенным по сокращению штатов 13 мая 1957 г.

Своих учеников, точнее, учениц, Райков приучал вести исследование в широком социально-культурном контексте, видеть историческую перспективу и уметь за фактом рассмотреть важные тенденции и закономерности. Под его руководством они овладевали навыками работы с первоисточниками, умением обнаруживать по незначительным следам ценные материалы, оставшиеся долгое время незамеченными и неиспользованными. Уже после смерти Райкова вышли отредактированные им книги: «Переписка Карла Бэра по проблемам географии» (1970), составленная Лукиной, и «Предметы размышлений в связи с теорией уродов» К. Ф. Вольфа (1973), подготовленные Копелевич и Лукиной.

Тернистым был жизненный путь Татьяны Аркадьевны Красоткиной (Лукиной) (1917–1999), дочери репрессированного священника. Кандидат филологических наук, она, свободно владея пятью языками, включая латинский, сначала была безработной, а затем, после кампании по преодолению ошибочного учения Н. Я. Мара, была вынуждена трудиться в школе. В ЛО ИИЕТ, куда ее приняли в 1954 г. по рекомендации Копелевич в группу Райкова, Лукина

⁶¹ СПФ АРАН. Ф. 893.

⁶² *Самочки А. В.* Воспоминания Б. Е. Райкова как источник для изучения истории науки и образования в России – СССР в первой половине XX века // ВИЕТ. 2011. № 2. С. 113–124.

внесла большой вклад в историю российской биологии и географии и ввела в научный оборот огромный массив уникальных архивных материалов. Ее деятельность по подготовке и изданию писем и научных трудов фон Бэра была настоящим научным подвигом, высоко ценимым германскими и эстонскими историками науки.

После защиты диссертации не могла найти работу по специальности Рязанская (Манойленко). 9 мая 1955 г. ее приняли на работу в ЛО ИИЕТ на место физико-географа Ирины Борисовны Белоусовой, которую вместе с Суховой после окончания ЛГУ в 1954 г. распределили в ИИЕТ, а оттуда вернули обратно в Ленинград. Годом позже вместе с Перфильевым пришла в группу кандидат биологических наук Нина Николаевна Банина (1919–?), а из Президиума АН СССР была спущена ставка для кандидата исторических наук Татьяны Константиновны Быковой (1918–?), занимавшейся составлением библиографии статей в научно-популярных журналах XVIII в.

В феврале 1957 г. в ЛО ИИЕТ пришел зоолог и генетик Иван Иванович Канаев (1893–1984), в 1948 г. как сторонник морганизма-вейсманизма уволенный из Первого медицинского института, где он заведовал кафедрой общей биологии. Благодаря поддержке Л. А. Орбели ему удалось остаться на некоторый срок в штате Института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности АН СССР. Но вскоре сам Орбели оказался в числе гонимых, и Канаев переключился на изучение механизмов регуляции у разных групп организмов – от низших беспозвоночных до человека. Свои генетические исследования, – но уже в историко-научном плане – он продолжил в ЛО ИИЕТ.

Если интересы Райкова и его учеников были сосредоточены на исследовании преимущественно отечественных эволюционистов, Канаев первоначально занимался творчеством исключительно зарубежных биологов. Он всегда стремился к максимально глубокой проработке материала, позволявшей понять закономерности развития тех или иных биологических идей. Это качество проявилось в его книгах «Близнецы. Очерки по вопросам многоплодия» (1959), «Близнецы и генетика» (1968), «Очерки по истории сравнительной анатомии до Дарвина» (1963), «Очерки по истории проблемы морфологического типа от Дарвина до наших дней» (1966) и др. Помимо этих известных во всем мире трудов Канаев опубликовал книги о И. В. Гете, Ж. Бюффоне, К. Кильмейере, А. Трамбле, Ф. Гальтоне и Ж. Кювье. Точность в передаче сути их научных трудов здесь удивительным образом сочеталась с глубоким проникновением в психологию ученых. Научные идеи и контакты своих героев Канаев всегда анализировал на фоне общественно-политических, естественно-научных и культурных особенностей эпохи, демонстрируя филигранное мастерство исследователя, историка и художника.

Канаев, свободно владея тремя основными европейскими языками и латынью, воплощал классический тип дореволюционного интеллигента⁶³. Он не использовал лексику советского «новояза» и не шел ни на какие «идеологические компромиссы» при редактировании своих трудов. Для воспитания

⁶³ В серии «Историки науки XX века» были изданы его «Избранные труды по истории науки» (Отв. ред. К. В. Манойленко. СПб., 2000).

молодых историков биологии большое значение имели многочасовые беседы с Канаевым, его рассказы о различных событиях и людях. Иногда он знакомил их с дореволюционными и послереволюционными публикациями из своей личной библиотеки, которые нельзя было получить в общедоступных библиотеках.

Межсекторальный характер носили труды, издававшиеся с 1961 г. в серии «Научно-биографическая литература», для становления которой много сделал ее первый ученый секретарь Радовский. В числе научных биографий, подготовленных сотрудниками ЛО ИИЕТ в первые годы ее существования, следует назвать книги Баниной о К. Ф. Кесслере (1962), Лукиной о А. П. Протасове (1962) и И. И. Лепехине (1965), Рязанской о А. Ф. Баталине (1962) и Н. И. Железнове (1965), Невской о Ф. А. Бредихине (1964), Новлянской о И. К. Кирилове (1964) и Ф. И. Страленберге (1966), Ожиговой о Е. И. Золотареве (1966) и А. Н. Коркине (1968).

Когда директором в ИИЕТ АН СССР был назначен философ и историк химии Б. М. Кедров, для подготовки обзоров современных журналов и книг по истории науки в 1963–1963 гг. существовала реферативная группа во главе с Копелевич (В. Б. Вилинбахов, Невская, Новлянская, Кладо). Они выполняли большой объем внеплановой работы по подготовке и изданию рефератов.

Сотрудники ЛО ИИЕТ много делали для координации историко-научных исследований, организуя специальные конференции и симпозиумы, посвященные юбилеям Агриколы (Г. Бауэра) (1955), Ч. Дарвина (1959), С. И. Вавилова (1961), В. И. Вернадского (1963), А. Н. Крылова (1963), Г. Менделя (1965) и других выдающихся ученых. В январе 1958 г. было создано Ленинградское отделение СНОИЕТ (позднее СНОИФЕТ – к истории добавили философию), проводившее с 1966 г. периодические конференции с публикацией тезисов. Сборники материалов этих конференций с 1971 г. выходят под названием «Наука и техника. Вопросы истории и теории». Первым председателем Ленинградской группы СНОИЕТ был Перфильев, ученым секретарем – Раскин⁶⁴. Впоследствии это объединение историков науки возглавляли авторитетные ученые Ленинграда академики М. П. Костенко, Б. Б. Пиотровский, Н. С. Соломенко, А. А. Фурсенко, Г. Ф. Терещенко, С. Г. Инге-Вечтомов и др. Члены СНОИЕТ опубликовали сотни книг по истории науки и техники, редакторами, консультантами, а иногда и соавторами которых были сотрудники ЛО ИИЕТ. С первых лет существования СНОИЕТ особенно активно работает его секция по истории авиации и космонавтики и истории транспорта.

Одним из главных направлений работы ЛО ИИЕТ стало изучение истории науки в Санкт-Петербурге. Предтеченский, Елисеев, Кольцов, Павлова и другие участвовали в подготовке статей по истории науки и высшей школы, опубликованных в четырех томах «Очерков истории Ленинграда» (1955–1964) и в энциклопедическом издании «Ленинград. Энциклопедический справочник» (1957). Вместе с В. Я. Голантом Предтеченский написал книгу «Колыбель русской науки. Исторический очерк о научных учреждениях Стрелки Васильевского острова в Ленинграде» (1959). Подвигу деятелей науки в суровое

⁶⁴ СПФ РАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 112. Л. 4.

военное время посвящена работа Кольцова «Ученые Ленинграда в годы блокады. 1941–1943» (1962).

Библиотека ЛО ИИЕТ была основана в 1954 г., а систематически начала комплектоваться с 1956 г. Хотя формально она считалась частью БАН, ее сотрудники фактически входили в коллектив ЛО ИИЕТ. Благодаря Дмитрию Васильевичу Тюличеву (1924–1987) и Виктории Федоровне Олано-Эренъя (1922–2013) были найдены уникальные книги, уточнены многие важные сведения, и их по праву можно считать соавторами многих работ сотрудников ЛО ИИЕТ.

Благодаря преемственности академических традиций, в том числе и историко-научных исследований, переданных новому поколению историков науки Андреевым, Блоком, Елисеевым, Радовским, Раскиным, хотя и непросто, но довольно быстро сформировался коллектив, способный выполнять глобальные проекты. Уже к началу 1960-х гг. ЛО ИИЕТ имел высокую репутацию в научном мире. Благодаря хрущевской оттепели, возобновлению контактов с зарубежными коллегами, а главное, прекрасному знанию сотрудниками современной науки и языков, ЛО ИИЕТ стал важным центром консолидации усилий как профессиональных историков науки, так и ученых, интересовавшихся историей собственных отраслей естествознания и техники. Этому способствовала и жесткая дисциплина, и контроль над ходом работ. Молодые сотрудники практически каждую неделю отчитывались перед своими руководителями и получали от них задания, а работа в архивах и библиотеках была обязательна даже в неприсутственные дни. В 1955–1956 гг. еженедельно проходили ученые собрания всего коллектива, где заслушивались научные доклады о результатах проведенных исследований; позднее такие собрания начали проводиться по секциям истории физико-математических и химических наук и истории биологических и географических наук (1957–1959). Позднее доклады, представлявшие общий интерес, стали выноситься на заседания ученого совета, где выступали не только сотрудники отделения, но и крупные ученые из других научных и образовательных учреждений, работал философский семинар, способствовавший формированию широты мышления и разносторонней методологии. Выработке высокого профессионализма способствовало и участие сотрудников в нескольких исследовательских проектах, часто вне рамок своей группы. Примером для них служило и поведение старших коллег, для которых были невозможны ни плагиат, ни компиляция. От руководителя до лаборанта – все трудились самостоятельно.

Далеко не все просто и гладко было в деятельности отделения. Не оставила существенного следа в истории ЛО ИИЕТ Комиссия по изучению научного наследия и изданию трудов Д. И. Менделеева, штатные сотрудники которой выполняли техническую работу, а творческую сторону обеспечивали Келдыш, К. П. Мищенко, Фигуровский и др.⁶⁵ К началу 1960-х гг. практически сошли на нет исследования по истории математики и физики, а работы историков техники носили разрозненный, случайный характер.

Хотя борьба с космополитизмом ушла в прошлое, власти по-прежнему видели в истории науки сферу, требующую идеологического надзора, а в темах

⁶⁵ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 2. Л. 26.

сотрудников ЛО ИИЕТ нередко усматривали аполитичность или «политическую близорукость»⁶⁶. Подвергались критике и большое количество работ биографического плана, и отсутствие фундаментальных исследований по истории отдельных отраслей науки, техники или крупных научных проблем. Критика деятельности ЛО ИИЕТ вышла на страницы партийной печати, и на нее надо было реагировать. Приходилось выполнять разного рода разнарядки местных властей на работу в совхозах, на овощных базах, принимать участие в избирательных компаниях, дежурствах в народных дружинах и т. д. Заведующий ЛО ИИЕТ должен был постоянно учитывать «просьбы», а на практике – указания академического, партийного и советского руководства, причем в условиях административного плюрализма они далеко не всегда совпадали.

Спускаемые по разнарядке сокращения становились причинами личных трагедий и сковывали работу администрации ЛО ИИЕТ, в задачу которой входило трудоустройство тех, кого в Москве намечали «на заклятие». Недовольные использовали свои академические связи с крупными учеными, писали в центральные газеты «Правда» и «Известия», и часто расставание с ними затягивалось на годы, как это произошло с Мурзиным, потерявшим на фронте зрение. Его уволили в 1957 г., затем вынуждены были принять вновь на работу со ставкой переводом из Библиотеки АН СССР, а затем снова уволить в 1963 г. в связи с невозможностью использовать для работы по специальности⁶⁷. Зачастую ни секретарю парторганизации Кольцову, ни ученому секретарю Павловой не хватало времени отвечать газетам, которые писали о ЛО ИИЕТ.

В начале 1961 г. в связи с очередной перестройкой Академии наук встал вопрос о передаче ЛО ИИЕТ Министерству образования. Это встревожило многих сотрудников, помнящих гонения, проработки, суды чести, точнее, бесчестья, которые культивировались в вузах. Всем было понятно, что в целом статус учреждения будет понижен, резко сократятся возможности публикации трудов, зарубежных контактов и т. д. Благодаря поддержке крупнейших ученых, включая Иоффе и Смирнова, удалось сохранить ЛО ИИЕТ в системе АН СССР.

Не выдержав всей этой административной кутерьмы, Перфильев 2 января 1963 г. издал приказ о сложении с себя полномочий в связи с предстоящей реорганизацией института⁶⁸. Насколько этот приказ был добровольным, установить пока не удалось. На его место был назначен Кольцов, который одновременно возглавлял сектор истории АН СССР, но успокоения не наступило. Нормальная деятельность каждого сотрудника во многом зависела от его встроенности в неформальные академические сети, наличия мощных покровителей в той или иной области естествознания. Это было важно в условиях постоянного сокращения штатов, особенно в начале 1960-х гг. Только в 1963 г. по этой причине были уволены пять научных сотрудников (Андрева, Быкова, Дейнека, Загорский, Мурзин)⁶⁹, на следующий год Банина ушла ученым

⁶⁶ «Мне очень свойственно сомнение...» (интервью с Ю. Х. Копелевич) / Публ. В. К. Новик // ВИЕТ. 2001. № 4. С. 109.

⁶⁷ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 2. Д. 38. Л. 42.

⁶⁸ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 2. Д. 34. Л. 85.

⁶⁹ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 155. Л. 24.

секретарем в Государственный научно-исследовательский институт озерного и речного рыбного хозяйства, а в 1964 г. умер Радовский. В следующие два года скончался Райков, ушла на пенсию Глинка и, незадолго до своей смерти, Предтеченский, не был избран по конкурсу Вилинбахов. В штате осталось только 30 человек, из них 21 научный сотрудник⁷⁰. Не желая тратить время на бесконечные пертурбации и разборки, Кольцов 1 ноября 1966 г. категорически отказался от обязанностей заведующего ЛО ИИЕТ. К тому времени штат отделения несколько постарел. Возраст большинства научных сотрудников составлял от 40–50 лет, пятеро были старше 60, преобладали в коллективе женщины, но руководили ими мужчины.

Были затруднены контакты с зарубежными партнерами, а о заграничных командировках большинство сотрудников не могли и мечтать. На международных симпозиумах по истории науки иногда участвовали лишь Копелевич, Павлова, Ченакал. Основные зарубежные журналы выписывались, но многие номера отправляли в спецхран; закрыты были фонды в архивах, содержащие материалы о некоторых важнейших событиях в истории науки после 1917 г. О многих из них, как, например, об «академическом деле», писать не разрешалось, а решения августовской сессии ВАСХНИЛ запрещено было критиковать. Далеко не все репрессированные ученые были восстановлены в составе Академии наук. Правду о погибших в сталинских тюрьмах и лагерях, пусть реабилитированных во времена Н. С. Хрущева, разного рода официальные и неофициальные цензоры пытались запретить. Появилась странная для историков установка: «Не надо ворошить прошлое».

В этих условиях сотрудники ЛО ИИЕТ предпочитали заниматься когнитивной историей, а социально-культурный контекст оставлять за скобками, чтобы сохранить объективность и не быть втянутыми в политико-идеологические дискуссии. Попытки придать политическое звучание исследованиям не получали поддержки со стороны наиболее авторитетных сотрудников ЛО ИИЕТ, многие из которых, пережив репрессии, скептически относились к существовавшим порядкам. Хотя общественно-политическая работа шла своим чередом и ежегодно наверх подавали сведения о числе членов КПСС и ВЛКСМ, национальном составе и т. д., в целом идеолого-политический контроль не был жестким, власти, как правило, без «сигналов» снизу не вмешивались во внутреннюю жизнь коллектива. В ЛО ИИЕТ нельзя было рассчитывать на карьеру по профсоюзной или комсомольско-партийной линии. Само занятие должностей в общественных организациях воспринималось как неизбежное зло, а не как способ повысить статус в коллективе. ЛО ИИЕТ постепенно старалось избавляться от тех, кто оказался не способен к ежедневному труду в архивах и библиотеках, не изучал иностранные языки⁷¹, не следил за современной литературой, да к тому же выносил конфликты за пределы учреждения. В то же время продуктивно работавшим ученым прощали многие слабости. Описывая в своих воспоминаниях работу еще в ИИЕ АН СССР и отношение к нему в АПН РСФСР, где он был

⁷⁰ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 165. Л. 3.

⁷¹ Почти все научные сотрудники знали два языка, больше половины – три, Лукина и Невская – по пять, а рекордсменом был сотрудник Музея М. В. Ломоносова Вилинбахов, владевший шестью языками (см.: СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 52. Л. 19–24).

Рис. 8. Пригласительный билет на первый вечер сотрудников ЛО ИИЕТ, март 1955 г.

ших в отделение из предшествовавших ему учреждений историко-научного профиля, остались только Кольцов, Макеева, Ченакал и Новлянская. Ключевые позиции постепенно заняли ученые, сформировавшиеся как историки науки уже в ЛО ИИЕТ (Копелевич, Невская, Лукина, Мандрыка, Ожигова, Павлова), проработавшие здесь до конца 1980-х – начала 2000-х гг. Из того поколения до сегодняшнего дня работают Манойленко и Сухова.

Экспансия и кризис (1967–1978)

Новый этап в истории ЛО ИИЕТ был связан с усилением внимания к социологии науки и разработке логико-теоретических проблем научного и технического знания. Новые тенденции особенно ярко проявились в трудах, где история и методология тесно смыкались друг с другом. Возрастали требования к анализу внутренней логики развития науки. Главной целью коллектива была провозглашена подготовка докладных записок для ЦК КПСС, Государственного комитета по науке и технике, Президиума АН СССР, а также Ленинградских обкома и горкомов КПСС и разработка методологических рекомендаций по социальному планированию и развитию науки⁷³. Во многих публикациях стали преобладать клише и штампы наступавшей эпохи застоя.

действительным членом, Райков подчеркнул, что в ИИЕ к нему относились гораздо лучше, хотя он был там только старшим научным сотрудником⁷².

В соответствии с обычаями времени культивировались коллективистские формы досуга, совместные походы в кино и театры, экскурсии по городу и области, сдача норм ГТО, праздничные вечера, выпуск стенгазет (рис. 8). Но благодаря высокой культуре и таланту многих сотрудников, среди которых были прекрасные поэты и певцы да и просто веселые люди, в этих мероприятиях с удовольствием участвовало большинство сотрудников. Здесь формировался своего рода «заповедник свободы» для творческой научной работы, которая в те годы была социально престижна и которой дорожили. В целом в ЛО ИИЕТ к середине 1960-х гг. сложилась доброжелательная обстановка, которая в какой-то мере предопределила его будущее. Из сотрудников, пришед-

⁷² Райков. Моя педагогическая работа... С. 149.

⁷³ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 182. Л. 7.

От историков стали требовать фундаментальных трудов по истории крупных отраслей знания, по развитию науки в России и других странах, а также исследований Ленинграда как крупного научного центра, подготовку к публикации архивных материалов, освещающих прежде всего переломные моменты советской истории науки.

Хронологически это совпало с изменениями в кадровом составе, с приходом в ЛО ИИЕТ новых руководителей, получивших образование уже в советское время и образовавших новые подразделения – посредством реорганизации прежних или заново созданных. В декабре 1966 г. после долгих переговоров с Кедровым и Микулинским пришел в ЛО ИИЕТ известный биолог-эволюционист профессор Кирилл Михайлович Завадский (1910–1967) (рис. 9). Ему дали несколько ставок для преобразования группы историков биологии в сектор истории и теории эволюционного учения. Вместе с ним

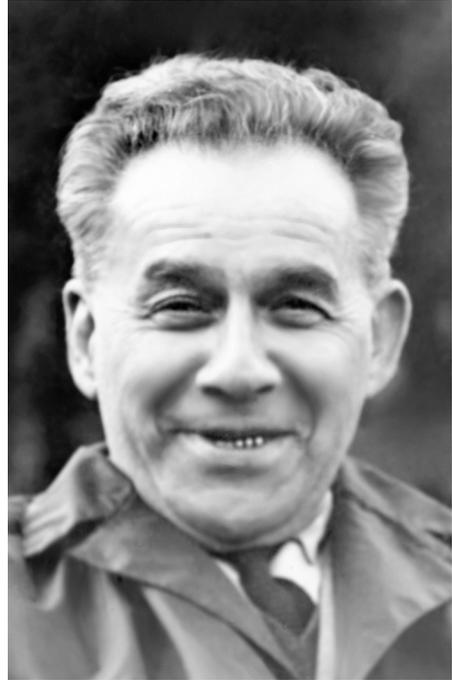

Рис. 9. Кирилл Михайлович Завадский (1910–1967)

пришли его ученики: биологи Татьяна Михайловна Аверьянова (1939–2008), Зоя Михайловна Рубцова (1923–2010) и Лия Николаевна Хахина; философы Алексей Сергеевич Мамзин и Арнольд Михайлович Миклин, вскоре ушедшие, а также Яков Михайлович Галл, Александр Борисович Георгиевский и Эдуард Израилевич Колчинский, которые еще со студенческой скамьи писали курсовые и дипломы по истории и философии биологии. До сих пор в этом секторе сохранилась традиция принимать в аспирантуру в основном тех, кто еще в вузе приобрел навыки историко-научных исследований.

Завадский основал историко-критическое направление в разработке проблем эволюционной биологии, методология которого была реализована в монографиях по виду и видообразованию (Завадский, 1968), преадаптации (Георгиевский, 1974), борьбе за существование (Галл, 1976), «эволюции эволюции» (Завадский и Колчинский, 1977), симбиогенезу (Хахина, 1979), эволюции биосферы (Колчинский, 1990). История отдельных отраслей эволюционной биологии нашла отражение в монографиях Манойленко «Очерки из истории изучения фитогормонов в отечественной науке» (1969) и «Развитие эволюционного направления в физиологии растений» (1974), а также Рубцовой «Развитие эволюционной цитогенетики в СССР» (1975) и Аверьяновой «Популяционные исследования в прикладной ботанике» (1975). В книге Завадского «Развитие эволюционной теории после Дарвина» (1973) проанализировано развитие эволюционной теории в целом. В рамках созданного им эволюционного семинара и организованных под его руководством всесоюз-

*Рис. 10. Юрий Сергеевич Мелещенко
(1921–1972)*

Благодаря Завадскому сложилась научная школа, где совместно трудились историки науки, биологи и философы. Как вспоминал М. Адамс, во время пребывания в СССР в 1971 и 1977 гг. он установил контакты с

великолепной группой историков эволюционной биологии в секторе истории и теории эволюционного учения ЛО ИИЕТ Академии наук, возглавляемой Кириллом Завадским⁷⁴.

В январе 1967 г. ЛО ИИЕТ возглавил философ техники Юрий Сергеевич Мелещенко (1921–1972) (рис. 10), который с детства был знаком с Кедровым и имел поддержку в отделах науки ЦК КПСС и Ленинградского обкома. Он добился расширения прав ученого совета, включая избрание по конкурсу и выдвижение на научные звания, утверждение рукописей к печати, прием аспирантов и т. д. Начался резкий рост штатов. Уже в 1967 г. количество сотрудников увеличилось на десять единиц, в следующем году к ним добавились шесть, в 1969 г. – опять шесть, и, наконец, к 1971 г. число сотрудников достигло 56 человек (из них 37 – научных) и оставалось на этом уровне до 1974 г. включительно⁷⁵. Хотя коллектив сильно помолодел за счет лаборантов, сред-

ных симпозиумов «Закономерности прогрессивной эволюции» (1969), «Первые шаги эволюционной биологии в СССР» (1973) и др. выступали практически все ведущие биологи-эволюционисты и историки биологии СССР, а также крупные зарубежные ученые. В эту группу органично вошли историки биологии, ранее работавшие с Райковым. Канаев подготовил монографию об отечественных генетиках и развитии евгеники в России, которая, к сожалению, осталась в рукописи, так как автор отказался вносить изменения, которые требовали редакторы по идеологическим соображениям. Лукина перевела главные труды крупнейшего представителя неокатастрофизма О. Шиндевольфа и издала три тома эпистолярного наследия фон Бэра, а также биографии Райкова (1970) и И. Ф. Эшшольца (1975). Манойленко обратилась к истории эволюционной физиологии растений и стала признанным специалистом в этой новой отрасли знаний.

⁷⁴ The Evolution of Theodosius Dobzhansky. Essays of His Life and Thought in Russia and America / M. B. Adams (ed.). Princeton, New Jersey, 1994. P. VIII.

⁷⁵ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 168 Л. 7; Д. 173. Л. 6; Д. 184. Л. 1–3 и др.

ний возраст научных сотрудников в 1970 г. был равен 45 лет, кандидатов наук – 48 лет, докторов наук – 58,5 лет⁷⁶. Немного больше было мужчин.

Автор широко известной книги «Техника и закономерности ее развития» (1970) Мелешенко старался объединить историков техники, инженеров и философов, создав в 1969 г. группу методологических и социальных проблем техники и технических наук. В нее вошли Олег Михайлович Волосевич, Игорь Григорьевич Васильев, Борис Ильич Иванов, Владимир Иванович Кобзарь, а также Новлянская, которой вместе с Юрием Николаевичем Абабковым поручили заниматься философией техники. По плану этой группы работал Мандрыка, подготовивший монографии «Генезис современной ракетодинамики» (1971), «Эволюция механики в ее взаимной связи с техникой (до середины XVIII века)» (1972), «Взаимосвязь механики и техники (1770–1870)» (1975).

При Мелешенко явный приоритет получали злободневные проблемы, имевшие идеолого-политическое звучание. По заданию отделов науки ЦК КПСС, Ленинградских обкома и горкома готовились докладные записки, собирались материалы по проблемам научно-технической революции в СССР и данные для отчетных докладов партийных органов. В ходе подготовки к 100-летию юбилею со дня рождения В. И. Ленина разрабатывалось «ленинское наследие по проблемам науки и техники», устраивались конференции типа «В. И. Ленин и научно-техническая революция»⁷⁷. По этой тематике ежегодно читалось более 100 популярных лекций.

Мелешенко привлек в ЛО ИИЕТ в 1967 г. Самуила Ароновича Кугеля, который организовал в 1968 г. сектор социологических проблем развития науки и развернул исследования организации науки, структуры научных кадров, условий труда ученых, профессиональной мобильности в науке. В них участвовали Владимир Николаевич Орлов (1937–?), Никита Константинович Серов, Эрика Михайловна Сидорова, Петр Борисович Шелищ и др. Возникла школа социологов науки, представители которой более сорока лет ведут наблюдения за динамикой научных и преподавательских кадров в Санкт-Петербурге. Тогда же был начат выпуск первого в мире периодического издания по науковедению «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов». Подготовленный сектором труд «Научно-техническая революция и изменение структуры научных кадров в СССР» (1973) был переведен на английский, немецкий и испанский языки. Широкую известность получили монография Кугеля «Профессиональная мобильность в науке» и вышедший под его редакцией труд «Научные кадры Ленинграда» (1973).

Расширение тематики исследований произошло в секторе истории Академии наук и научных учреждений, возглавляемом Кольцовым. Подготовленные его сотрудниками документы по истории советской науки с подробными комментариями увидели свет в монументальных сборниках «Организация науки в первые годы советской власти. 1917–1925» (1968) и «Организация советской науки в 1926–1932 гг.» (1974), подготовленных Кольцовым, К. Г. Большаковой, Жигаловой, Павловой, Макеевой, Соболевой совместно с сотрудниками Архива АН СССР. В 1974–1975 гг. сотрудники ЛО ИИЕТ активно участво-

⁷⁶ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 179. Л. 13.

⁷⁷ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 174. Л. 16.

вали в подготовке и проведении 250-летнего юбилея АН СССР, в частности, выставки по истории АН СССР в Елагином дворце.

В те годы история науки казалась периферийной, здесь не было грандиозных конференций и не обсуждались глобальные проблемы. Ссылаясь на необходимость выполнения заданий Государственного комитета по науке и технике Совета министров СССР, Мелешенко взял курс на изменение «профиля, структуры и направлений научно-исследовательских работ ЛО ИИЕТ»⁷⁸. Историков науки отправляли на пенсию (Значко-Яворский, Кладо), переводили на полставки профессоров-консультантов (Канаев, Остроумов), или, как отмечалось выше, переключали на новую тематику. Удельный вес историков науки в штате неуклонно снижался. Не считая вновь пришедших биологов, которые в то время больше интересовались теорией, чем историей биологии, в 1970 г. историков науки оставалось только 17 человек из 33, причем двое из трех научных сотрудников Музея М. В. Ломоносова занимались в основном экскурсионной деятельностью, обслуживая, по отчетам, ежегодно фантастическое количество посетителей – 436 214⁷⁹. Резко увеличился процент философов, большинство из которых не имело ни опыта научной работы, ни серьезных трудов. Тем не менее из 102 работ, опубликованных в 1970 г., научно-технической революции, технике и техническим наукам, их философии и истории были посвящены 58 (более половины написаны самим Мелешенко), истории и теории эволюционного учения – 20, социологии – 14, истории Академии наук – только 10⁸⁰. В целом историко-научной тематике были посвящены менее 25% публикаций ЛО ИИЕТ.

Но именно в области истории Академии наук и истории эволюционного учения вышли труды, позволившие обеспечить преемственность традиций и место ЛО ИИЕТ в мировом научном сообществе и до сих пор цитируемые в литературе. Имя Копелевич, крупнейшего в мире специалиста по истории организации академий в России, Западной Европе и США, стало в некоторой степени брендом ЛО ИИЕТ. С разницей в три года вышли ее великолепные книги «Возникновение научных академий» (1974) и «Основание Петербургской академии наук» (1977). Последняя остается вершиной в изучении различных аспектов возникновения РАН в эпоху петровских преобразований и непревзойденным образцом социальной истории отечественной науки. Монография Ожиговой «Развитие теории чисел в России» (1972) выдвинула ее в ряды ведущих историков математики в мире. Среди биографических книг, подготовленных сотрудниками сектора истории Академии наук в те годы, следует отметить книги об исследователях Сибири: Новлянской о Д. Г. Мессершмидте (1970), Игоря Львовича Клеопова о А. Л. Чекановском (1972) и Невской о Н. И. Попове (1977). В 1975 г. Остроумов опубликовал книгу о советском изобретателе и приборостроителе А. В. Улитовском.

Событием в культурной истории Ленинграда стали юбилейные торжества в феврале–марте 1969 г., посвященные 100-летию со дня открытия Менделеевым периодического закона. Активно участвовали сотрудники ЛО ИИЕТ

⁷⁸ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 2. Д. 57. Л. 48.

⁷⁹ СПФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 182. Л. 17.

⁸⁰ Там же. Л. 19.

в проведении международного симпозиума, посвященного 400-летию со дня рождения И. Кеплера (1971).

К сожалению, в научной работе по-прежнему приходилось преодолевать разного рода идеологические и административные сложности, нередко создаваемые самими учеными. Примером «усеченной» правды может служить справочник о персональном составе АН СССР, опубликованный в 1974 г. Из него были исключены сотни фамилий действительных и почетных членов, принадлежавших до революции к правящим династиям, занимавших высокие должности в правительственных и церковных кругах или репрессированных в советское время. Делались попытки убрать из истории и ныне здравствующих ученых, оказавшихся неугодными властям по тем или иным причинам, как это произошло в дни празднования 70-летнего юбилея Н. В. Тимофеева-Ресовского в 1970 г., когда из издательства «Наука» сообщили, что «сверху» поступило указание больше это имя в печати не упоминать и ссылки на его статьи не пропускать. Пришлось преодолевать препоны и при издании книги Л. С. Берга «Труды по теории эволюции» (1977), которую не хотели публиковать из-за ее антидарвинистской направленности.

Увеличив штат ЛО ИИЕТ почти в два раза, Мелешенко поднял вопрос о реорганизации ЛО ИИЕТ в Институт научно-технической революции, который должен был заниматься не столько историей науки и техники, сколько ее социальными и методологическими проблемами. Сначала речь шла об объединении на базе ЛО ИИЕТ секторов московских институтов, входящих в Отделение философии и права АН СССР, а затем было решено подключить и учреждения Отделения экономики АН СССР. Предложение было поддержано Секцией общественных наук АН СССР, руководитель которой, вице-президент АН СССР П. Н. Федосеев, стал его горячим сторонником, и отделами науки ЦК КПСС и особенно Ленинградского обкома КПСС. Проектируемый институт стал рассматриваться как некий научно-реферативный орган Ленинградского обкома под названием Институт социально-экономических проблем. Обсуждались разные кандидатуры на пост будущего директора.

После внезапной смерти Мелешенко 9 мая 1972 г. обязанности заведующего ЛО ИИЕТ около года исполнял Кольцов. Планы Мелешенко были дезавуированы и на время забыты. Однако в конце 1974 г., когда ЛО ИИЕТ (с мая 1973 г.) возглавлял доктор медицинских наук Николай Александрович Толоконцев (1924–2010), демобилизовавшийся из Военно-морского флота, о них вспомнили, так как проект поддержал первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романов, который незадолго до этого стал кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Ему удалось добиться соответствующего решения Секретариата ЦК КПСС от 31 октября 1974 г., а 14 ноября 1974 г. Президиум АН СССР принял постановление (№ 1074) об организации Института социально-экономических проблем (ИСЭП). Согласно ему, ЛО ИИЕТ, как и другие учреждения Отделения философии и права и Отделения экономики АН СССР, ликвидировали, а их бюджеты и штаты передавали новому учреждению.

Несмотря на сопротивление видных академиков-экономистов, предвидевших гибель научных направлений в новом институте, в марте 1975 г. Президиум АН СССР окончательно решил вопрос о дате и порядке организации

ИСЭП. Против этого решения открыто выступил Завадский, который в письме к Федосееву предупредил, что возглавляемый им коллектив отказывается «принять условия перехода в ИСЭП» и не может «свернуть тематику сектора и развернуть исследования в новых направлениях»⁸¹. Его поддержали все директора биологических институтов Ленинграда (Б. Е. Быховский, Е. М. Крепс, А. С. Трошин, В. Н. Черниговский, А. А. Федоров и др.), обращения которых в вышестоящие организации возымели действие: сектор передали в Ботанический институт АН СССР. Тем не менее Завадский продолжал критиковать принятое решение. 6 апреля 1975 г. на заключительном партийном собрании ЛО ИИЕТ он сказал:

Коллектив ЛО ИИЕТ был дружным и работоспособным. Продуктивность была высокая, психологический климат был благоприятный для работы. Реорганизационный период, с моей точки зрения, проходил не гладко. Как ни странно, но Секция общественных наук приняла решение о реорганизации учреждения, ни разу не поговорив с секретарями партбюро этих учреждений⁸².

Тогдашнему директору ИИЕТ Микулинскому удалось добиться временного сохранения сектора истории Академии наук и Музея М. В. Ломоносова в качестве ленинградских секторов ИИЕТ АН СССР в составе 22 человек, руководителем которых с апреля 1975 по март 1978 г. был Б. И. Иванов. Не было ни ученого совета, ни канцелярии, ни бухгалтера, ни завхоза. За каждой бумажкой надо было ехать в ИИЕТ. Их временное сохранение аргументировалось необходимостью проведения 250-летнего юбилея Академии наук.

В конечном счете только сектор социологических проблем науки и группа методологических проблем техники и технических наук вошли в состав ИСЭП, где они вскоре были ликвидированы. Так, в результате волонтаристских действий в Ленинграде в очередной раз распался творческий и работоспособный коллектив историков науки.

Реанимация и пертурбации (1978–1992)

После долгих хлопот сектор Завадского вернулся в воссоздаваемый ЛО ИИЕТ, который согласно решению Президиума АН СССР от 16 января 1978 г. стал отделом ИИЕТ, что позволило иметь бухгалтера и секретаря⁸³. С апреля 1978 по ноябрь 1987 г. его возглавлял Энгель Петрович Карпеев, пришедший в историю науки после десятилетий преподавания в высших военных вузах. Он старался сохранить дух и традиции ЛО ИИЕТ. Состав сотрудников менялся мало вплоть до 1988 г. Эмигрировал в США Клеопов, в 1986 г. ушли на пенсию Лукина и Макеева. В 1977 г. в сектор АН СССР пришла Маргарита Федоровна Хартанович, в 1987 г. – Галина Ивановна Смагина, защитившие

⁸¹ СПФ АРАН. Ф. 1113. Необработанная часть архива К. М. Завадского. Письмо К. М. Завадского к П. Н. Федосееву.

⁸² ЦГАИПД СПб. Ф. 6722. Оп. 2. Д. 26. Л. 9.

⁸³ ЦГАИПД СПб. Ф. 9156. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

позднее кандидатские и докторские диссертации, а работавший в институте в 1985–2008 гг. Игорь Федорович Цветков защитил даже две докторские диссертации – по историческим и техническим наукам. В 1985 г. защитил кандидатскую диссертацию талантливый востоковед Андрей Леонидович Васюкович, проработавший в ЛО ИИЕТ до начала 1990 гг. и занявшийся позднее политической психологией.

В целом ЛО ИИЕТ оставался резервацией для ученых, попавших по тем или иным причинам в немилость к властям предрежущим. В 1978 г. в ЛО ИИЕТ пришел выдающийся «антилысенковец с довоенным стажем», историк ботаники и библиограф, автор более 600 научных работ Даниил Владимирович Лебедев (1915–2005)⁸⁴. Он проработал здесь до перестройки, несмотря на неоднократные советы горкома партии отправить его на «заслуженный отдых». Человек удивительной судьбы и гражданского мужества, редкий знаток политики, истории, генетики и ботаники, Лебедев стал живым источником сведений о событиях в биологии СССР, о которых нередко не сохранилось следов даже в самых закрытых архивах. В ЛО ИИЕТ кроме работы над книгой «Очерки по ботанической историографии: XIX – нач. XX в.» (1986) он участвовал в редактировании 12 монографий и сборников, в том числе трудов Ж. А. Медведева, М. А. Поповского и В. Н. Соифера по истории, впервые изданных в США, а затем переведенных на десятки языков. В 1985 г. Лебедев организовал сообщество единомышленников и подготовил книгу, рисующую коллективный портрет соратников Н. И. Вавилова. Она вышла в 1994 г., когда открытие архивов позволило уточнить многие факты из жизни ВИРовцев, прежде всего репрессированных.

Последним из неугодных партийным органам сотрудников ЛО ИИЕТ стал выдающийся социолог Владимир Александрович Ядов, которого уволили из ИСЭП в 1984 г. за потерю «секретных» документов. В ЛО ИИЕТ он начал исследования о возможности оценки эффективности деятельности ученых в академических учреждениях естественно-научного профиля. Перестройка вернула ему общественный статус: он стал директором Института социологии РАН в Москве.

Сотрудникам ЛО ИИЕТ удалось погасить инициируемые сверху кампании по обвинению Карпеева в принижении роли Ломоносова, а Невской, напротив, – в возвеличивании заслуг астронома Ж. Н. Делиля в книге «Петербургская астрономическая школа XVIII века» (1984). Ученый совет ИИЕТ в апреле 1985 г. посвятил специальное заседание обсуждению, точнее, осуждению этой книги в духе прежней борьбы с объективизмом и космополитизмом и поручил провести аналогичную экзекуцию в Ленинграде. Однако мужество самой Невской и принципиальная позиция некоторых сотрудников ЛО ИИЕТ не позволили повторить эту позорную процедуру по тому же сценарию, что и в Москве.

Карпеев начал нелегкий, а в те годы и опасный путь по переосмыслению роли Ломоносова в истории российской культуры и науки. Под его руководством существенно изменилась экспозиция музея, а в 1983 г. было заверше-

⁸⁴ Даниил Владимирович Лебедев. Биобиблиографический указатель / Сост. Е. П. Ефимова, О. И. Огурцова, Г. Н. Панкратова. СПб., 1992.

но первое издание ПСС. Последний, справочный, 11-й том был подготовлен Городинской, Павловой и Соколовой. Под редакцией Карпеева были опубликованы 8-й и 9-й тома сборника статей и материалов «Ломоносов», шла работа по созданию труда «Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь» (1999). Ирина Владимировна Бренева (Телешова) (1944–1995) подготовила книгу «История Инструментальной палаты Петербургской академии наук (1724–1766)», которая была издана только в 1999 г., после безвременной кончины ее автора. Во время празднования 275-летнего юбилея Ломоносова 21 ноября 1986 г. на Менделеевской линии и набережной Невы, между главным зданием Ленинградского научного центра АН СССР и ЛГУ открыли памятник ученому. В юбилейных мероприятиях участвовало советско-партийное руководство Ленинграда, а также президент АН СССР Г. И. Марчук, вице-президент АН СССР И. А. Глебов, главы академий союзных республик и социалистических стран. Был выпущен первый художественный альбом «Михаил Васильевич Ломоносов», содержащий более 220 фотографий.

С 1975 г. в ЛО ИИЕТ работал Борис Игоревич Козлов (1931–2010), который сплотил вокруг небольшой группы по истории технических наук, созданной в 1978 г., людей, интересовавшихся философско-методологическими проблемами организации и развития технических наук. Под его редакцией была подготовлена коллективная монография «Организация и развитие отраслевых научно-исследовательских институтов Ленинграда: 1917–1977» (1978). В 1988 г. Козлов опубликовал книгу «Возникновение и развитие технических наук: опыт историко-технических исследований». Вместе с ним в ЛО ИИЕТ пришел Ярослав Григорьевич Неуймин (1929–1989), глубоко увлеченный методологическими проблемами моделирования и опубликовавший книгу по этой проблеме (1984). Институционализации наук в Ленинграде были посвящены новые книги Мандрыки «Аэромеханическая лаборатория Петербурга» (1980) и «Очерки развития технических наук. Механический цикл» (1984).

Эти же проблемы стали занимать все большее место в тематике сектора истории Академии наук и научных учреждений. Важнейшими публикациями этих лет стали «Очерки истории организации науки в Ленинграде, 1703–1977» (1980) и «Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века» (1987). В монографии Копелевич и Ожиговой «Научные Академии стран Западной Европы и Северной Америки» (1989) был обобщен огромный литературный материал по более чем 50 зарубежным академиям, приведены краткие сведения по истории их создания, дана характеристика различных сторон организации и деятельности этих учреждений и их места в науке и обществе разных стран. Соболева исследовала историю организацию науки в пореформенной России (1983), Невская – развитие академической астрономии в XVIII в. (1984), а Ожигова – развитие академической математики в конце XVIII – первой половине XIX в. (1980). Теоретическим проблемам в российской географии XIX в. были посвящены книги Суховой (1981, 1990). История организации и развития АН СССР и роль Академии наук в организации региональных научных центров страны описывались в монографиях Кольцова (1982, 1988). В серии «Научное наследие» были изданы «Переписка С. В. Ковалевской и Г. Миттаг-Леффлера» (1984) и «В. А. Стеклов. Переписка с отечественными математиками. Воспоминания» (1991), в подготовке которых ведущую роль играла

Ожигова. В той же серии в 1984 г. был издан фундаментальный труд «Каспийская экспедиция К. М. Бэра (1853–1857 гг.)», составленный Лукиной.

В секторе истории и теории эволюционного учения монографически были исследованы проблемы засухоустойчивости растений (Манойленко, 1983), эволюция адаптаций (Георгиевский, 1989), эволюция биосферы (Колчинский, 1990), эволюционное значение апомиксиса (Рубцова, 1989) и др. В серии «Ученые СССР: очерки, воспоминания, материалы современников» была издана книга «Владимир Николаевич Сукачев. Очерки, воспоминания современников» (1986), подготовленная Галлом и Лебедевым. Коллективная монография «Развитие эволюционной теории в СССР» (1983) (составитель – Колчинский) была первым в мире опытом исследования истории становления синтетической теории эволюции (СТЭ) в рамках одной страны.

В научно-биографической серии сотрудники ЛО ИИЕТ в 1978–1990 гг. опубликовали книги о В. А. Ротерте (1978), М. С. Мериан (1980), Ш. Эрмите (1982), Х. Г. Кратценштейне (1989) и Х. Гольдбахе (1983) (переведена на немецкий в 1994 г.).

Помимо исследовательской работы сотрудники ЛО ИИЕТ организовывали и проводили конференции, многие из которых послужили точкой отсчета для новых коллективных исследований. Так, например, выход сборника «Андрей Сергеевич Фаминцын. Жизнь и научная деятельность» (1981), изданного по материалам конференции 1978 г., стимулировал появление многих зарубежных публикаций по истории симбиогенеза в начале XXI в. В ноябре 1984 г. ЛО ИИЕТ организовал конференцию, посвященную 175-летию со дня рождения Ч. Дарвина и 125-летию со дня выхода в свет его книги «Происхождение видов». Изданный по ее материалам сборник «Дарвинизм: история и современность» (1988) еще раз продемонстрировал, что история науки способствует совершенствованию эволюционного синтеза.

Сотрудники ЛО ИИЕТ выполнили большую научно-организационную работу по устройству юбилейных мероприятий к 275-летию со дня рождения и 200-летию со дня смерти Леонарда Эйлера (1982) и др. В 1982 г. в Москве и Ленинграде состоялась грандиозная конференция по истории авиации и космонавтики, посвященная 25-летию космической эры.

С начала 1980-х гг. в ЛО ИИЕТ стал складываться один из центров по изучению жизни и деятельности Вернадского. В апреле 1983 г. была проведена конференция «В. И. Вернадский и современность», материалы которой легли в основу книги «Вернадский и современность» (1986). В марте 1988 г. на здании ЛГУ, где учился и работал Вернадский, была открыта мемориальная доска, а в бывшей Первой гимназии, где он провел школьные годы, состоялась выставка, посвященная его учению о биосфере. В 1989 г. под редакцией вице-президента АН СССР А. Л. Яншина вышел труд «Научное и социальное значение деятельности В. И. Вернадского», подготовленный Колчинским и А. И. Мелуа. Книга Мелуа «Уроки экологических просчетов» (1991), написанная совместно с Яншиным, была отмечена премией им. А. П. Виноградова.

Либерализация общества, начатая в 1986 г., сказалась на тематике и методах исторических исследований. Исчезла цензура, а с ней – запретные темы и политический контроль над планами исследований. Доступнее стали отечественные и зарубежные архивы.

В 1991 г. ЛО ИИЕТ, который с 1987 по 1995 г. возглавлял Аркадий Иванович Мелуа, стал называться Санкт-Петербургским филиалом ИИЕТ им. С. И. Вавилова (СПбФ ИИЕТ). Возросла его независимость от головного института в Москве, что напрямую было связано с нарастанием центробежных тенденций и появлением новых форм финансирования. Произошли и структурные изменения. Вернувшийся в 1990 г. в филиал Кугель организовал социологический мониторинг за состоянием академической науки в Санкт-Петербурге. В состав ЛО ИИЕТ в 1988 г. была передана мемориальная квартира исследователя Центральной Азии П. К. Козлова, музей же М. В. Ломоносова в 1992 г. был изъят, а в 1993 г. включен в состав Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Разрабатывались планы создания сети мемориальных музеев-квартир ученых, плавучего музея истории науки на ледоколе «Красин» и т. д. Почти в два раза увеличился штат филиала, достигнув 65 человек. Коллектив резко помолодел, но вновь пришедшие, как правило, надолго не задерживались.

Огромный интерес мирового сообщества историков науки вызвали два тома «Репрессированной науки» (1991, 1994) (ответственный редактор – М. Г. Ярошевский), в которых были опубликованы статьи и документы по истории отечественной науки в тоталитарных условиях 1920–1960-х гг. Вошедшие в них интервью с активными участниками событий тех лет были фактически первым опытом использования методологии «устной» истории в отечественной историко-научной литературе. Книга до сих пор принадлежит к числу наиболее часто цитируемых у нас в стране и за рубежом источников по истории советской науки.

Перестройка вызвала резкое расширение международного сотрудничества. Международная конференция, посвященная юбилею Ф. Г. Добржанского (1990), положила начало негосударственным формам международного сотрудничества, открыла дорогу на Запад десяткам молодых ученых и способствовала их включению в международные проекты (рис. 11). Материалы конференции о Добржанском были опубликованы в 1994 г. в США в книге *Evolution of Theodosius Dobzhansky*. Другим отдаленным следствием этой конференции стала публикация переписки Добржанского с Н. И. Вавиловым, Вернадским и Ю. А. Филипченко, подготовленная М. Б. Конашевым (2002).

На рубеже тысячелетий: свобода и выживание (1993–2011)

В условиях распада СССР и глубокого кризиса российской науки, когда финансирование сокращалось в разы, международное сотрудничество, поддержка со стороны зарубежных фондов и длительные зарубежные командировки стали главными средствами сохранения историко-научного сообщества Санкт-Петербурга. Этому способствовали упрощение бюрократических процедур и отмена государственной регламентации международного сотрудничества. Историки науки получили возможность на длительные сроки выезжать для работы в других странах: 12% сотрудников остались за рубежом, чуть менее 80% избрали путь «маятниковой мобильности» и эпизодических командировок и только 10% не участвовали в зарубежных конференциях. За

Рис. 11. Международная конференция, посвященная Ф. Г. Добржанскому (1990). Слева направо: Л. Грэхем, М. Рьюз, Э. И. Колчинский, Д. Паул, М. Адамс, Н. Л. Кременцов, В. Провайн, Г. Аллен

последние пять лет в среднем около 30 сотрудников филиала ежегодно выезжают за рубеж для работы в рамках международных проектов или участия в конференциях и 40–60 ученых из дальнего зарубежья приезжают в филиал. В итоге практически каждая конференция (а в 1990–2005 гг. их проводили ежегодно 8–10) становилась международной. Важную роль в овладении макро- и микросоциологическими методологиями в области истории науки сыграли серия российско-американских конференций по истории науки, проведенных в середине 1994–1999 гг. в России и США, российско-немецкие конференции в Германии и России (1994–2013), российско-французские конференции (2010–2012), а также ежегодные сессии Международной школы по социологии науки (1992–2013).

Это вело к росту популярности сравнительных исследований. Историю науки стали изучать во всем многообразии ее функционирования как социальной практики: ее когнитивные, социально-культурные, институциональные и историко-антропологические аспекты. Совершенствование и интенсификация научных коммуникаций вели к усилению динамики методов и объектов

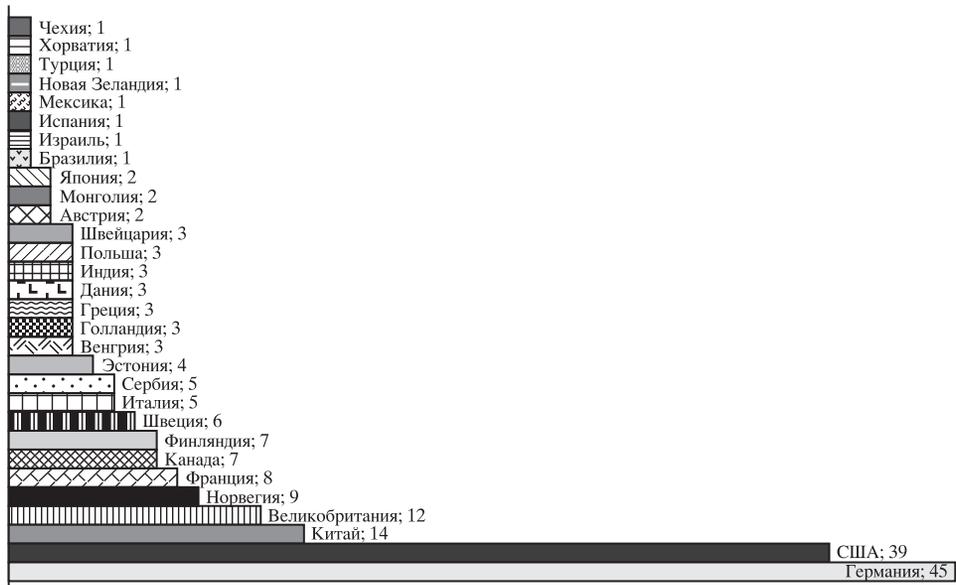

Рис. 12. Географическое распределение контактов сотрудников СПбФ ИИЕТ с зарубежными учреждениями

исследования. Исследователи стали использовать разнообразные подходы современной методологии науки от Т. Куна и Р. Мертона до С. Вулгара и Б. Латюра. Начала развиваться устная история. Не забыты были и традиции предшествующих поколений, в том числе и все ценное в марксистской социологии науки. По-прежнему приоритетной оставалась работа с архивными и музейными коллекциями, с документом, с первоисточником. Историческим, идеологически нагруженным концепциям уделяется меньше внимания.

В 1990–2013 гг. сотрудники филиала поддерживали научные контакты примерно с 200 научными зарубежными учреждениями (рис. 12). Традиционные контакты с историками США, Германии, Англии, Франции, Швейцарии за последние 10 лет существенно дополнились совместными исследованиями с социологами и историками науки Бразилии, Индии, Испании, Италии, Китая, Мексики, Норвегии, Сербии, Хорватии, Финляндии и других стран. Расширились источники финансирования, значительное место заняли гранты, выигранные на конкурсной основе. Сотрудники филиала регулярно участвуют в международных и европейских конгрессах по истории науки, состоят членами престижных научных обществ (25) и международных журналов по истории науки (9).

Десятки крупных международных проектов реализованы с историками Германии: «В джунглях власти. Образованные слои при Гитлере и Сталине» (1994–2000), «Немцы в России» (1993–2011), «Советизация науки» (1996–2002), «Русско-немецкие научные связи в биологии и медицине» (1998–2003); Японии: «Наука и война» (2005–2006); Китая: «Реформы науки в Китае и России» (2007, 2009), «Создатели современного эволюционного синтеза» (2012) и др. Существенно изменилась форма сотрудничества: на передний план вышла

Рис. 13. Конференция, посвященная Л. Эйлеру (2007). Слева направо: С. Б. Тарасов, В. Н. Васильев, Э. А. Тропп, Э. И. Колчинский, Ж. И. Алферов, В. В. Окрепилов, Г. Ф. Терещенко, С. Г. Инге-Вечтомов

работа над подготовкой коллективных монографий. Результатом совместных усилий ученых Германии, Китая, России, Японии и США стала монография «Наука и кризисы» (2003). Историки науки из Санкт-Петербурга участвуют в крупных международных проектах «Политика и наука в военное время. Сравнительное изучение Общества кайзера Вильгельма» (2005), «Восприятие Ч. Дарвина в Европе» (2007). Всего на английском, немецком, китайском, японском и русском языках вышли около 70 книг, ставших результатом совместных проектов. Еще 13 книг сотрудников филиала изданы в США, Великобритании, Индии, Голландии и Германии за счет международных грантов. Среди них книги крупнейшего знатока античной науки Л. Я. Жмудя «Наука, философия и религия в раннем пифагоризме» и «Зарождение истории науки в античности»⁸⁵.

Сотрудники СПбФ ИИЕТ участвовали в проектах по изданию трудов Эйлера (Швейцарская академия естественных наук) и Кеплера (Баварская академия). Был издан первый том «Полного собрания сочинений и писем Г. В. Лейбница»⁸⁶, в подготовку которого огромный вклад внесла безвремен-

⁸⁵ Zhmud, L. Wissenschaft, Philosophie und Religion im frühen Pythagoreismus. Berlin, 1997; Zhmud, L. Origin of the History of Science in Classical Antiquity. Berlin, 2006.

⁸⁶ Gottfried Wilhelm Leibniz. Sämtliche Schriften und Briefe. Reihe VIII. Naturwissenschaftliche, medizinische und technische Schriften, 1668–1676. Berlin, 2009.

14. Конференция, посвященная Ч. Дарвину (2009). Слева направо: И. А. Горлинский, С. Г. Инге-Вечтомов, А. Ю. Розанов, Ж. И. Алферов, Н. М. Кропачев, В. Эллиот, Э. И. Колчинский

но ушедший талантливый историк астрономии Алена Борисовна Кузнецова (1972–2005). В мае 2007 г. прошла крупная международная конференция, посвященная 300-летию со дня рождения Эйлера (рис. 13), а в сентябре 2009 г. – конференция в связи с 200-летием со дня рождения Ч. Дарвина, сыгравшая важную роль в дискуссиях с креационистами⁸⁷ (рис. 14). Начиная с 1992 г. СПбФ ИИЕТ совместно с Санкт-Петербургским филиалом РАН и фондом «Франкише-Штифтунген» ведет работу по поиску и подготовке к изданию архивных материалов по Второй Камчатской экспедиции. В этом проекте участвовали В. С. Соболев, Карпеев, Л. П. Карышева, Колчинский, Копелевич, Кузнецова, Невская. В 2000–2009 гг. в серии «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов» вышли три книги на русском и шесть – на немецком языках.

В результате либерализации международного сотрудничества эффективность научного труда существенно повысилась. Публикационная активность, в том числе и выпуск монографий, по сравнению с советским периодом увеличился более чем в три раза. Всего за 1953–2013 гг. изданы 664 книги, в том числе в 1953–1992 гг. – 332 (в среднем в год – 8,3 книг), в 1993–2012 гг. – 323 (в среднем в год – 16 книг). В среднем на научного сотрудника за последние 15

⁸⁷ Чарльз Дарвин и современная биология / Отв. ред. Э. И. Колчинский. СПб., 2010.

лет приходится 6,3 книг (рис. 15). За последние четыре года сотрудники филиала ежегодно печатают 90–130 статей, в том числе в среднем 25 статей в «ВАКовских» изданиях и 20 в зарубежных. За 20 лет защищены 11 докторских и 27 кандидатских диссертаций. С 1996 г. в филиале для аспирантов и молодых сотрудников организованы семинары по истории науки на английском языке, которые сейчас ведет Жмудь. За последние 15 лет в филиале подготовлено новое поколение историков науки с высокой международной репутацией (Н. А. Ащеулова, Е. Ю. Басаргина, А. В. Бекасова, Н. Е. Берегой, Ю. А. Лайус, М. В. Лоскутова, А. В. Самокиш, В. Г. Смирнов, А. А. Федотова, Т. Ю. Феклова, И. В. Черказьянова, С. А. Шалимов, Д. А. Щеглов), а кадровый состав научных сотрудников обновился на 70%, стабилизовавшись в последнее время на уровне 40 человек (рис. 16). При этом из 32 штатных научных сотрудников 19 человек (55,3%) младше 50 лет, в том числе 11 кандидатов наук. В филиале работают 13 докторов наук, в целом достигнут гендерный баланс.

Приоритетным направлением исследовательской деятельности остается история РАН. Уникальным стало издание четырехтомной «Летописи истории РАН. 1724–1934 гг.» (2000–2007), вышедшей под редакцией президента РАН Ю. С. Осипова и ставшей лауреатом конкурса «Лучшие книги года» по гуманитарным наукам за 2008 г. В ней на основе обширных архивных и печатных источников в хронологической последовательности освещается повседневная разнообразная научно-исследовательская и организационная деятельность АН с 1724 по 1934 г. К 300-летию юбилею Санкт-Петербурга вышло в свет хорошо иллюстрированное издание «Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX вв.» (2003), раскрывающее вклад академического сообщества Санкт-Петербурга в развитие отечественной и мировой науки. Книга издана под редакцией лауреата Нобелевской премии Ж. И. Алферова. Значению академических коллекций не только для науки, но и для культуры посвящена книга-альбом «Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга» (2003), подготовленная совместно с СПбНЦ РАН. Недавно вышли в свет фундаментальные монографии «Академия наук в истории культуры России XVIII–XX веков» (ред.-сост. Г. И. Смагина, Э. А. Тропп, 2010) и «Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках: Исторические очерки» (отв. ред. Ю. М. Батурин, ред.-сост. Г. И. Смагина, Э. А. Тропп, 2013) (последняя задумана еще в начале XX в.). Впервые подготовлены богато иллюстрированные CD и брошюра «Президенты АН СССР», а также на CD выпущена иллюстрирован-

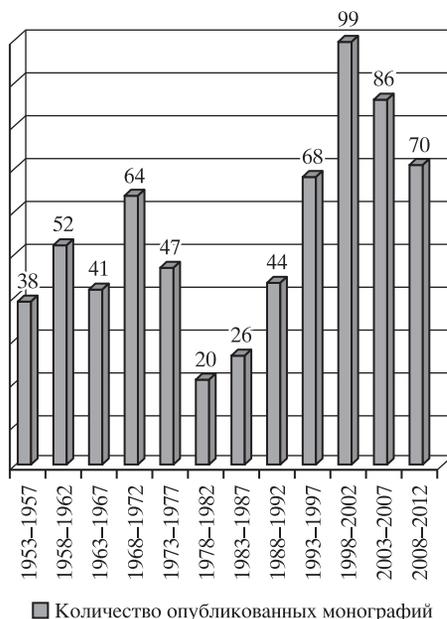

Рис. 15. Временное распределение публикационной активности ЛО (СПбФ) ИИЕТ (1953–2012)

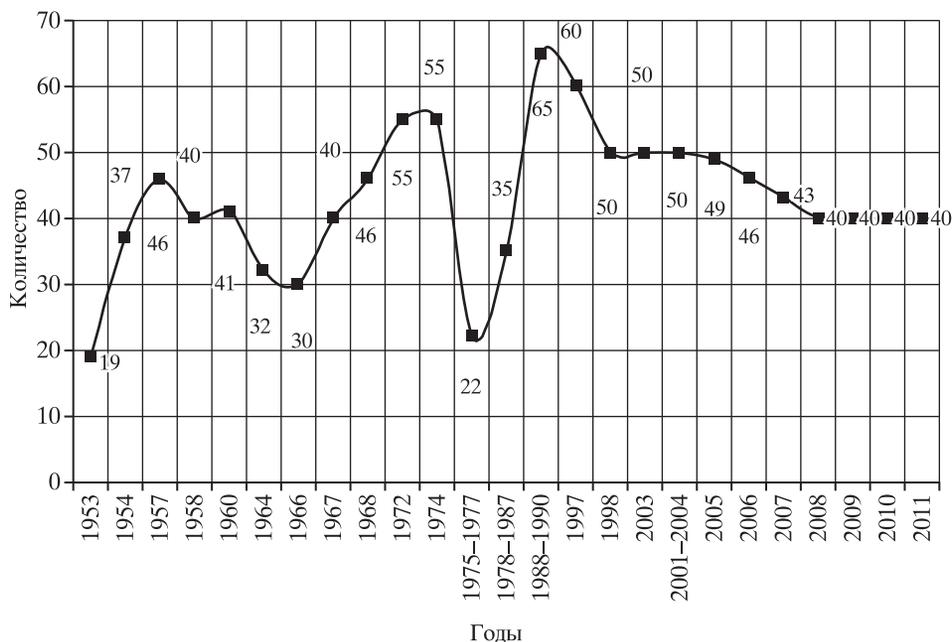

Рис. 16. Динамика численности кадрового состава ЛО (СПбФ) ИИЕТ (1953–2011)

ная история АН XVIII в., содержащая более 600 портретов, рисунков зданий, фотографий приборов, карт и т. д.

В последние годы особое внимание уделено проблемам институционализации российской науки. Во многих монографиях и сборниках, в том числе сборниках документов, тщательно освещена ведущая роль Академии наук как главного научного учреждения страны в организации и проведении научных исследований, а также в подготовке кадров. Это книги Смагиной «Академия наук и российская школа. Вторая половина XVIII в.» (1996), Кольцова «Ленинградские учреждения АН СССР в 1934–1945 гг.» (1997) и «Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных и производительных сил России. 1915–1930 гг.» (1999), Хартанович «Ученое сословие России. Императорская Академия наук второй четверти XIX в.» (1999), Басаргиной «Русский археографический институт в Константинополе» (1999). «Во главе первенствующего ученого сословия России. Очерки жизни и деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской академии наук 1725–1917 гг.» (2000) стали первой попыткой обобщить архивный материал о деятельности всех ее руководителей в дореволюционный период. Все эти труды опираются на уникальные и разнообразные архивные источники, многие из которых впервые введены в научный оборот.

Стремление разобраться в идейных предпосылках санкт-петербургской школы историков науки привело к исследованию историко-научного наследия Вернадского и Бухарина. К 50-летию филиала издан сборник документов об его историческом предшественнике – «Комиссии по истории знаний» (2003), подготовленный В. М. Орлом и Г. И. Смагиной, и книга «Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. 1953–

2003» (отв. ред. В. М. Орел, Э. А. Тропп). Появился ряд крупных публикаций по истории науки в Санкт-Петербурге в разные исторические эпохи и истории учреждений, особенно КИЗ, ИИНиТ, КИАН и ЛО ИИЕТ и др. (А. С. Дмитриев, Колчинский, Смагина, Т. В. Чумакова). В основанной несколько лет тому назад серии «Материалы к библиографии историков науки и техники» опубликованы выпуски, посвященные Завадскому, Кольцову, Копелевич, Кузнецовой, Невской, Ожиговой и др. В этом году опубликован сборник «В. И. Вернадский и Комиссия по истории знаний. К 150-летию со дня рождения В. И. Вернадского» (отв. ред. Ю. М. Багурин, ред.-сост. В. М. Орел, Г. И. Смагина, 2013).

Одним из важнейших направлений до недавнего времени оставалось изучение научного наследия ученых. В серии «Научное наследство» увидели свет рукописи петербургских астрономов и математиков: «Неопубликованные материалы Л. Эйлера по теории чисел» (1997), «Источники по истории астрономии России XVIII в.» и «Леонард Эйлер. Письма к немецкой принцессе о разных физических и философских материях» (2002). В подготовке и издании этих книг участвовали Копелевич, Кузнецова, Невская, Ожигова. Дважды в серии «Классики науки» издавали уточненный перевод классического труда Дарвина «Происхождение видов», подготовленный Галлом. Жмудь подготовил и прокомментировал второе, посмертное, издание классической книги А. И. Зайцева «Культурный переворот в Древней Греции» (2001), а под редакцией М. Б. Голубовского вышли статьи и письма А. А. Любищева (2001) и книга В. П. Эфроимсона «Генетика этики и эстетики» (1995).

К 300-летию юбилею со дня рождения Ломоносова были подготовлены с первого по четвертый, девятый и десятый тома второго, исправленного и дополненного, полного собрания его сочинений, удостоенного национальной премии «Лучшие книги и издательства года» (2011) и премии Ассоциации книгоиздателей «Лучшая книга года» (2012), а также десятый выпуск сборника «Ломоносов» (2011). Изданы научные биографии биологов Л. С. Берга, И. П. Бородина, Г. Ф. Гаузе, И. И. Горожанкина, Н. И. Железнова, К. М. Завадского, В. Н. Любименко, Н. А. Максимова, путешественников И. А. Гильденштеда, А. Ф. Миддендорфа и Г. Ф. Стеллера, математика К. А. Поссе, электротехника И. А. Глебова, филолога П. В. Никитина и др. В серии «Деятели русской науки XIX–XX веков» (2000–2009) увидели свет более 100 статей.

Одним из главных направлений последних десятилетий было изучение международных контактов: немецко-русских, русско-французских, русско-американских, русско-китайских, русско-монгольских, русско-сербских, русско-швейцарских и др. Их результаты изложены в десятках сборников. При поддержке правительства ФРГ изданы 12 сборников «Немцы в России» (под ред. Г. И. Смагиной), в которых раскрывается вклад немцев в экономическую и культурную жизнь России (1998–2011).

Сотрудники активно участвуют в изучении истории российских экспедиций в Центральную Азию. Т. И. Юсупова и А. И. Андреев опубликовали «Дневник Монгольско-Тибетской экспедиции П. К. Козлова. 1923–1926» (2003). Сложным вопросам переплетения науки и геополитики посвящена книга А. Ив. Андреева «Советская Россия и Тибет: раскрытие секретной дипломатии»⁸⁸ (2003).

⁸⁸ *Andreyev, A. Soviet Russia and Tibet: The Debacle of Secret Diplomacy, 1918–1930s. Leiden; Boston, 2003.*

В мемориальном музее-квартире создана экспозиция о жизни и деятельности П. К. Козлова, раскопки которым «мертвого» города Хара-Хото в пустыне Гоби и гуннских захоронений в горах Ноин-Ула принадлежат к числу выдающихся достижений археологии XX в.

Последние 20 лет интенсивно исследуются социально-политические, социально-культурные и идеологические аспекты развития науки, а также взаимоотношения науки и власти, взаимодействие биологии и философии, влияние цензуры на науку и др. Благодаря ранее недоступным источникам освещаются такие темы, как «борьба с лысенковщиной», «русское научное зарубежье», «цензура в России» и др. Опубликованы монографии об особенностях «сталинской» науки⁸⁹. В коллективной монографии «Наука и кризисы» (ред. Колчинский, 2003) дан историко-критический анализ взаимоотношений науки, общества и государства в периоды крупных социально-политических и экономических потрясений от Английской революции XVII в. до «культурной революции» в КНР. В совместном труде российских и немецких историков рассматриваются различные аспекты воздействия войны на организацию науки, ее взаимодействие с военной промышленностью, соотношение фундаментальных и прикладных исследований, систему международных связей, нормы и ценности научного сообщества⁹⁰.

Впервые на основе ранее недоступных материалов рассматривались различные аспекты взаимодействия между наукой и военно-промышленным комплексом в СССР в книгах «Наука и военная техника» (2003) и в трех томах «Наука Санкт-Петербурга и морская мощь России» (2001–2005). Истории отечественного судостроения в первой четверти XX в. посвящена книга И. Ф. Цветкова (1995). В 2001 г. была опубликована книга Б. И. Иванова, М. Л. Вишневецкого и Л. Г. Левина «История развития электротехники в Санкт-Петербурге».

Из естественных наук биология претерпела наиболее сильное влияние социально-политических и идеологических факторов. Истории сложных, а порою трагических взаимоотношений биологической океанографии, рыбохозяйственной науки и рыбной промышленности в первой трети XX в. посвящена книга «Морские биологические станции на Севере» (2006), подготовленная при участии Лайус и Н. В. Слепковой. О переплетениях политики, науки, идеологии и репрессий повествуют книги Н. Л. Кременцова «Лекарство. История рака и политики из анналов холодной войны» и «Международная наука между мировыми войнами: случай генетики»⁹¹, опубликованные в США. Становление и развитие естественной истории в России в социально-культурном контексте проанализированы в книге «Естественная история в России» (Колчинский, А. К. Сытин, Смагина, 2004). Колчинский выполнил историко-сравнительный анализ институциональных, социально-культурных

⁸⁹ *Krementssov, N. L. Stalinist Science. Princeton, New Jersey, 1997; Колчинский Э. И. В поисках советского «союза» философии и биологии: дискуссии и репрессии 20–30-х гг. СПб., 1999; Наука за «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки / Ред. М. Хайнеманн, Э. И. Колчинский. СПб., 2002.*

⁹⁰ Наука, техника и общество в России и в Германии во время Первой мировой войны / Ред. Э. И. Колчинский, Д. Байрау, Ю. А. Лайус. СПб., 2007.

⁹¹ *Krementssov, N. The Cure. A Story of Cancer and Politics from the Annals of the Cold War. Chicago, 2002; Krementssov N. International Science Between the World Wars: The Case of Genetics. London; New York, 2005.*

и политико-идеологических факторов развития биологии в России и Германии в конце XIX – первой половине XX в. ⁹².

Методология историко-критического анализа проблем эволюции получила международное признание благодаря переводу в США книги Хахиной о симбиогенезе ⁹³, а Колчинский подвел итог вековым дискуссиям между сторонниками неокатастрофизма и селекционизма (2002). Книги Голубовского «Век генетики: эволюция идей и понятий» (2000) и Георгиевского «Эволюционная антропология» (2009) служат удачными примерами анализа драматической истории эволюционных идей и концепций в отдельных отраслях биологического знаний. Галл опубликовал книгу «Становление эволюционной концепции Чарльза Дарвина» (1993). В ряде книг анализируется вклад Дж. Хаксли, Э. Майра (2006) и Ф. Г. Добржанского в создание СТЭ ⁹⁴. В фундаментальном труде «Создатели современного эволюционного синтеза», в подготовке которого участвовали историки биологии Германии, Канады, Чехии и Швеции, дан историко-сравнительный анализ различных попыток осуществить теоретический синтез эволюционного знания в первой половине и середине XX в. учеными Англии, Германии, Франции, США и СССР (отв. ред.-сост. Колчинский, 2013).

В 2011 г. опубликован энциклопедический словарь «Биология в Санкт-Петербурге» (более 1600 статей), в котором дана всеобъемлющая картина институциональной истории биологии и сведения о наиболее ярких естествоиспытателях Санкт-Петербурга. С 2009 г. филиал выпускает журнал «Историко-биологические исследования», в котором публикуются материалы на русском и английском языках.

Центр социолого-наукоедческих исследований, который с 2007 г. возглавляет Надежда Алексеевна Ащеулова, работающая в филиале с первого курса университета, проводит социолого-наукоедческий мониторинг реформ науки, научного потенциал Санкт-Петербурга, общественного мнения и быта ученых, их мобильности, динамики научных кадров, механизмов формирования научных школ и научной элиты. Материалы ежегодно проходящих международных школ по социологии науки опубликованы в 28 выпусках «Проблем деятельности ученого и научных коллективов». С 2010 г. выходит международный журнал «Социология науки и технологий», специальные выпуски которого посвящены Р. Мертону и сравнительному анализу истории академий наук Китая и России. Результатами международных проектов стали сборники о реформах науки в Китае и России и либерализации в науке, вышедшие на китайском, русском и английских языках ⁹⁵.

⁹² Колчинский Э. И. Биология в Германии и России – СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века. СПб., 2007.

⁹³ Khakhina, L. N. Concepts of Symbiogenesis. A Historical and Cultural Study of the Research of Russian Botanists. New Haven; London, 1992.

⁹⁴ Галл Я. М. Джулиан Сорелл Хаксли. 1887–1975. СПб., 2004; Колчинский Э. И. Эрнст Майр и современный эволюционный синтез. М., 2006; Конашев М. Б. Становление эволюционной теории Ф. Г. Добржанского. СПб., 2011.

⁹⁵ Реформы науки и техники в РФ и КНР. Итоги и перспективы. Материалы международного форума / Ред. Н. А. Ащеулова, Бао Оу, Э. И. Колчинский. СПб., 2009 (на кит. яз., 2007); Liberalizing Research in Sciences and Technology. Studies in Science Policy / N. A. Asheulova, B. Pattnaik, E. I. Kolchinsky, G. Sandstrom (eds.). St. Petersburg, 2010.

Важным способом координации историко-научных исследований остаются ежегодные конференции Санкт-Петербургского отделения Национального комитета по истории и философии науки и техники. В них, как правило, участвует более 300 человек, в том числе и руководители крупных научно-исследовательских институтов и университетов, а также ученые из ближнего и дальнего зарубежья. Публикации материалов докладов в периодических сборниках «Наука и техника: вопросы истории и теории» (28 выпусков) позволяют следить за появлением новых исследовательских проектов в разных отраслях истории науки и техники. В филиале выполнены методические разработки по обоснованию форм и методов включения истории науки и техники в педагогический процесс различных уровней образования, созданы более 20 целевых программ и курсов, в том числе программа и учебное пособие по истории биологии для аспирантов.

Многообразной деятельностью СПбФ ИИЕТ в значительной степени способствовала уникальная подборка в его библиотеке литературы по истории естественных и гуманитарных наук, истории техники, психологии и социологии науки, философии и методологии науки. В библиотеке – лучшая коллекция книг по эволюционной теории на территории бывшего СССР. Гордость библиотеки составляют семь мемориальных книжных собраний выдающихся историков науки, математиков, биологов, медиков.

* * *

В заключение уместно вспомнить принцип основателя, выдвинутый Майром в 1954 г., согласно которому генотипы нескольких организмов, давших начало новому виду, в значительной степени предопределяют его эволюцию. В этом отношении филиалу повезло. У истоков ЛО ИИЕТ стояло несколько высококвалифицированных энтузиастов истории науки (Андреев, Елисеев, Канаев, Кольцов, Отрадных, Предтеченский, Радовский, Райков, Федоренко). Вместе с другими профессиональными историками, имевшими опыт работы в предшествовавших историко-научных учреждениях (КИЗ, ИИНиТ, КИАН) и участвовавшими в крупных проектах ЛО ИИЕТ в течение многих лет (Блок, Гуковский, Князев, Любименко, Раскин, Чернов, Шафрановский и др.), они воспитали поколение историков науки, создавших бренд ЛО ИИЕТ и определявших деятельность отделения в течение почти полувека. Благодаря их подвижническому труду и вопреки всем идеологическим проработкам, политическому давлению и навязанным сверху реорганизациям ленинградской (петербургской) школы историков науки удавалось остаться неотъемлемой частью мировой науки, сохранить и приумножить традиции, заложенные предшествующими поколениями. Трудом представителей школы в научный оборот введено огромное количество ранее неизвестных архивных материалов, возвращены многие забытые имена, раскрыта роль научного сообщества города на Неве в развитии мировой науки и культуры. Освобождение от жесткой регламентации тематики и методологии исследований способствовало реформированию санкт-петербургского сообщества историков на принципах либерализма, что привело к увеличению эффективности научного труда за счет появления разнообразных источников финансирования, интенсификации международных связей и совместных проектов с учеными разных стран и культур.